

ЦЕЙХГАУЗ

УНИФОРМА • НАГРАДЫ •

• ЗНАМЕНА • ГЕРАЛЬДИКА

**ВОЕННАЯ
АРХЕОЛОГИЯ
ДРЕВНЕРУССКИЕ
ЩИТЫ X ВЕКА**

**МОСКОВСКИЕ
ВОЙСКА XVII ВЕКА
ПОМЕСТНАЯ
КОННИЦА**

**НАПОЛЕОНИКА
ФРАНЦУЗСКИЕ
ШИНЕЛИ**

**ВЕДОМСТВЕННЫЙ
МУНДИР
«ГРАЖДАНСКИЕ»
ВОЕННЫЕ КОРПУСА**

**ВОЕННО-УЧЕБНЫЕ
ЗАВЕДЕНИЯ
ЕЛИСАВЕТГРАДСКОЕ
КАВАЛЕРИЙСКОЕ
УЧИЛИЩЕ**

**ГРАЖДАНСКАЯ
ВОЙНА
МУРМАНСКАЯ АРМИЯ**

**СЕРДЮКИ ГЕТМАНА
СКОРОПАДСКОГО**

№ 2 / 2002

ВЫХОДИТ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ И СОДЕЙСТВИИ ДЕПАРТАМЕНТА ПО СОХРАНЕНИЮ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ МИНКУЛЬТУРЫ РОССИИ

18

ДРЕВНЕРУССКИЕ ЩИТЫ X ВЕКА

Сергей КАИНОВ

Вторая половина IX в. ознаменовалась возникновением на Восточно-европейской равнине нового государства – Киевской Руси. Первоначально его территория простиралась вдоль пути «из варяг в греки», прошедшего сквозь славяно-финскую контактную зону и соединившего скандинавский Север и византийский Юг. Географическое положение Руси, сложные этно-политические процессы привели к синкретичности материальной и духовной культуры нового государства, что возможно наиболее ярко проявилось в военном деле русов. Данные археологии наглядно отражают процесс формирования комплекса вооружения древнерусских воинов на базе слияния различных воинских традиций, подтверждающих что содержат все составляющие древнерусского комплекса, в т.ч. и защитное вооружение.

Щит, как наиболее элементарная форма реализации желания защитить себя, был первым средством обороны, изобретенным человеком, и вплоть до появления огнестрельного оружия оставался наиболее простым и распространенным средством защиты.

У славянских воинов задолго до появления Киевской Руси по сообщениям византийских авторов VI в. именно щиты выступали единственным средством защиты:

Прокопий Кесарийский: «Вступая же в битву, большинство идет на врагов пешими, имея небольшие щиты и копья в руках, павшие же никогда на себя не надевают»¹.

Маврикий Стратег: «Каждый мужчина вооружен двумя небольшими копьями, а некоторые из них и щитами, крепкими, но труднопереносимыми»².

К сожалению, представить внешний вид вышеупомянутых славянских щитов не представляется возможным, так как ни изображения, ни археологических подтверждений письменным источникам нет. Очевидно, славянские щиты этого времени изготавливались целиком из органических материалов (досок, прутьев) и за отсутствием металлических частей не сохранились до наших дней.

Наиболее ранние фрагменты щитов, найденные на территории Древней Руси, относятся к X в. За редким исключением это

только металлические детали. Таким образом, информация для воссоздания внешнего вида и конструктивных особенностей щитов очень ограничена.

На территории Древней Руси археологически зафиксированы фрагменты не менее чем 20 щитов. Наиболее часто встречающаяся и четко определяемая деталь щита – умбон, представляющий собой железную полусферу, крепившуюся в центре щита.

А.Н.Кириличников выделяет два типа древнерусских умбонов: полушаровидные и сферокопнические³. К первому типу относятся 13 из 16 найденных экземпляров. Все они стандартны по форме – свод полушаровидной формы на низкой шейке, и по размерам – диаметр 13,2–15,5 см, высота 5,5–7 см (Рис. 1а). Толщина металла не превышает 1,5 мм.

Ко второму типу относятся три умбона, два из которых происходят из Юго-Восточного Приладожья и еще один найден в древнерусском слое Цимлянского городища. Это умбона сферокопнической формы, наиболее четко выраженной у приладожских экземпляров. Они несколько крупнее умбонов первого типа: диаметр 15,6 см и 17,5 см, высота 7,8 см и 8,5 см. Шейка отсутствует (Рис. 1б). Умбон с Цимлянского городища отличается меньшим размером (диаметр 13,4 см, высота 5,5 см) и наличием на вершине свода небольшого выступа.

Умбона обоих типов имеют поля шириной 1,5–2,5 см. На этих полях были пробиты от 4 до 8 отверстий, через которые проходили гвозди (редко заклепки), крепившие умбон на деревянном поле щита. Сохранилось несколько крепежных гвоздей, которые позволяют примерно вычислить толщину деревянного поля под умбоном. При длине от 2,5 до 5 см гвозди загнуты таким образом, что толщина деревянного поля реконструируется в пределах 7–8 мм. В то же время на одном из найденных в Приладожье умбонов второго типа зафиксирована заклепка, не имеющая изгибов, длиной 4,5 см. По мнению А.Н.Кириличникова, подобные заклепки скрепляли одновременно край умбона, щитную доску и планку-рукоять⁴.

Помимо умбонов определяемой частью щита являются металлические оковки, крепившиеся по краю щита. В шести случаях оковки найдены вместе с умбонами, в трех – без умбонов. Количество оковок колебалось от нескольких штук до двух десятков. Они

представляют собой тонкие (0,5 мм) железные (в одном случае – бронзовые) полоски длиной около 6 см и шириной около 2 см, согнутые пополам. На одной из оковок сохранились следы ornamentации в виде двух параллельных линий (Рис. 2). Двумя маленькими заклепками оковки крепились на краю щита. Большинство древнерусских оковок на обеих сторонах имели ступеньку, которая, как показывает зарубежный материал, была необходима для расположения кожаной полосы, проходящей по ребру щита. Расстояние между краями оковки во всех случаях составило 5–6 мм, что равнялось толщине деревянного поля на краю щита.

При дореволюционных раскопках Гнездовского курганного могильника под Смоленском были найдены неплохо сохранившиеся остатки щита. Вот как его описывает автор раскопок: «Из-за года оставшихся от щита следов дерева, можно представить себе приблизительно размеры щита, измеряя расстояние этих кусочков дерева от центральной впадины или умбона; при таком измерении ширина или длина щита доходит до 1 метра. В области лежавшего когда-то щита найдено много железных скрепок или обойниц [имеются в виду оковки края – С.К.], в виде железных согнутых вдвое пластинок с пробитыми или гвоздиками на концах, служивших для скрепления краев щита и прекрасно сохранившихся внутри кусочков дерева; эти-то кусочки дерева представляют часто косые слои, которые объясняются тем, что доски, из которых щит состоял, имели на краях закрутки, соответствующие окружности круга. Принимая во внимание сохранившиеся следы дерева на близких краях можно также смело утверждать, что щит имел круговое очертание. По железным обойницам также можно легко определить толщину щитовых досок; можно считать также до некоторой степени вероятно, что щит был окрашен в красную краску, так как дерево в одной из обойниц сохранило следы красной окраски»⁵.

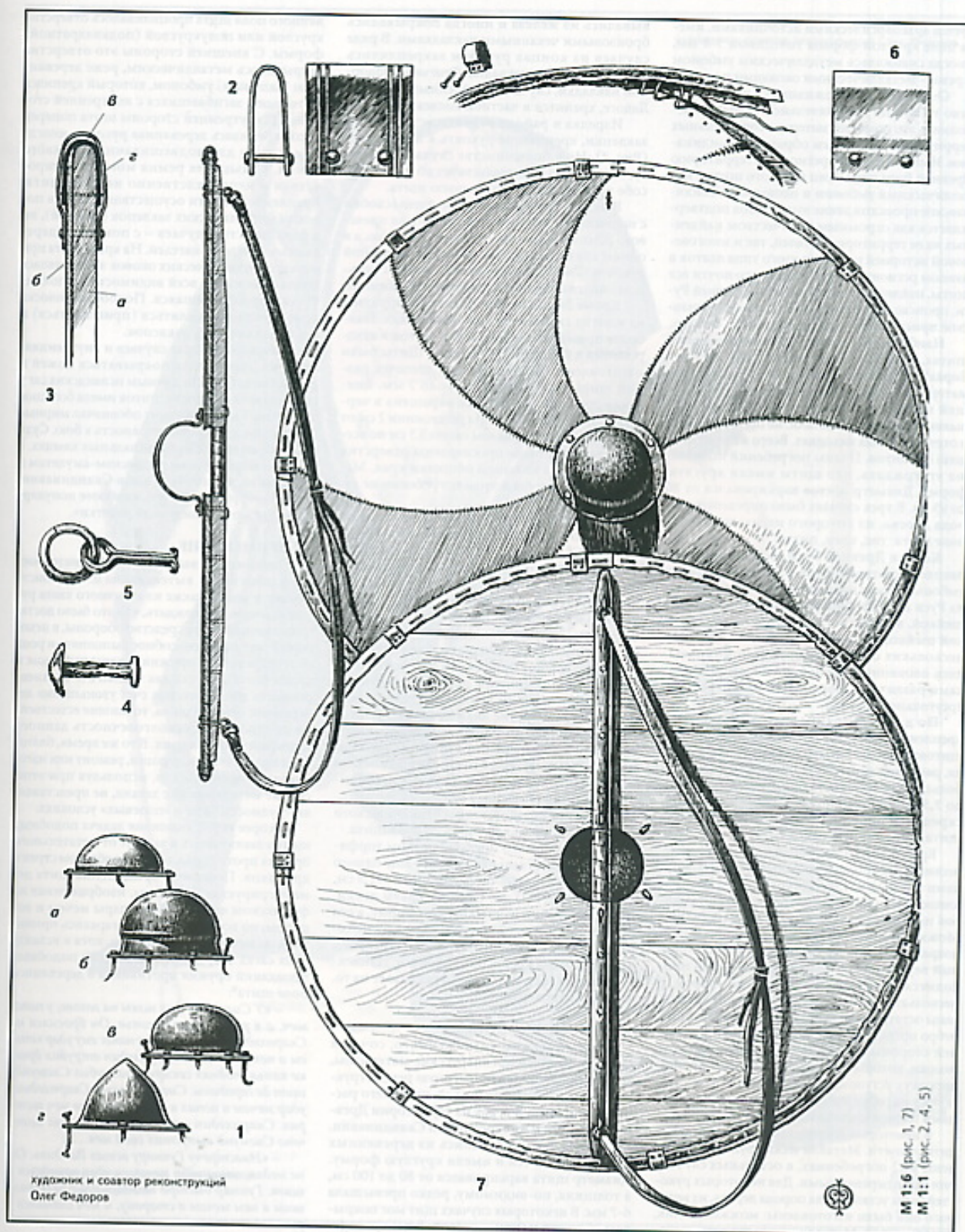
Это практически все, что дает древнерусская археология для воссоздания щита. Суммируя вышесказанное, можно сказать, что та часть древнерусских щитов, которая фикси-

Щит X в., внешняя и внутренняя стороны, разрез. Детали.

- 1 а, б, в, г – умбон;
- 2 – оковка края щита;
- 3 – разрез края щита
- (а – деревянное поле щита, б – кожаное покрытие внешней стороны щита, в – кожаная полоса, крепившаяся по ребру щита, г – металлическая оковка);
- 4 – заклепка для крепления рукояти к полю щита;
- 5 – скобка с кольцом;
- 6 – крепление кожаной полосы по краю щита;
- 7 – реконструкция щита. Внешняя и внутренняя стороны, разрез

Деталь ларца с изображением воина, защищающегося от стрел. VIII в. (Британский музей)

руется археологическими источниками, имела форму круглой формы толщиной 5-8 мм, иногда снабжалась металлическим умбоном и реже – металлическими оковками по краю.

Очевидно, что сложившаяся картина далеко не полна. В значительной степени восполнить это помогает материал сопредельных территорий и, главным образом, Скандинавии. Именно из этого региона на территорию Древней Руси попал тип круглого щита с металлическим умбоном и оковками. Скандинавское происхождение этих щитов подтверждается как огромным количеством найденных на ее территории деталей, так и многовековой историей развития этого типа щитов в данном регионе. Показательно, что почти все щиты, найденные на территории Древней Руси, происходят с памятников, где «скандинавское присутствие» ощущается очень сильно.

Наиболее полная информация имеется о щитах, найденных в шведском могильнике Бирка⁶. Хорошая сохранность органического материала, а также фиксация положения вещей на момент обнаружения, позволили выявить некоторые детали, не прослеженные в отечественных находках. Всего в Бирке найдено 68 щитов. Планы погребений позволяют утверждать, что щиты имели круглую форму. Диаметр щитов варьировался от 80 до 95 см. В трех случаях была определена порода дерева, из которого изготавливалось поле щита: тис, клен, хвощ.

Как и в Древней Руси, основную часть находок остатков щитов в Бирке составляли умбоны. Кроме наиболее распространенных на Руси полусферических умбонов с низкой шейкой, в Бирке встречены умбоны с высокой шейкой, а также без нее (рис. 1 а, б). В нескольких случаях края умбонов украшались оловянными или бронзовыми накладками различной формы или имели вырезы треугольной формы.

По данным сохранившихся гвоздей для крепления умбона устанавливается толщина щитовых досок: 5-6 мм. Два крепежных гвоздя, расположенных друг против друга, имели большую, нежели остальные гвозди, длину – до 3,5 см. Объясняется это тем, что гвозди скрепляли одновременно деревянное поле щита, умбон и рукоятку.

Края щитов также снабжались металлическими (железными или бронзовыми) оковками (от 2 до 45), крепившимися двумя заклепками. В одном случае большая часть оковки плотно располагалась на одном секторе. Можно предположить, что так оковки предохраняли наиболее уязвимый участок – правый верхний сектор щита, на который приходилось наибольшее количество ударов. В нескольких случаях под оковками зафиксированы остатки кожаной полосы, охватывавшей ребро щита, а также кожаное покрытие внешней стороны щита (рис. 3). Металлические оковки, которые имели специальную профилировку с уступом, фиксировали эту кожаную полосу на ребре щита. Расстояние между концами оковок составляет 5-6 мм.

В некоторых погребениях удалось проследить рукоятку. Металлические рукоятки встречены в 12 погребениях, в остальных случаях они были деревянными. Для некоторых рукояток была установлена порода дерева, из которого они были изготовлены: можжевельник, тополь, ольха. Металлические рукоятки выхо-

вывались из железа и иногда покрывались бронзовыми чешуйчатыми накладками. В ряде случаев на концах рукоятки закреплялись бронзовые литые накладки. Фрагмент подобной накладки, случайно найденный в Старой Ладоге, хранится в частной коллекции.

Изредка в районе рукоятки встречаются заклепки, крепившие рукоятку к полю щита (рис. 4). Но в большинстве случаев они отсутствуют, что свидетельствует об ином способе крепления рукоятки к полю щита.

В пяти погребениях были найдены скобки с подвижным кольцом для крепления плечевого ремня: в четырех – рядом с рукояткой, а в одном случае – прикрепляемыми к железной рукоятке (рис. 5). Аналогичные скобки с кольцом найдены и в древнерусских погребениях.

Кроме Бирки детали щитов обнаружены на многих скандинавских памятниках. Наиболее примечательна находка щитов в захоронении в Гокстаде (Норвегия). Щиты были изготовлены из 7-8 сосновых дощечек различной ширины, толщиной около 7 мм. Внешняя сторона щитов была окрашена в черный или желтый цвет. На расстоянии 2 см от края щита и с интервалом около 3,5 см по всему периметру были просверлены отверстия для крепления кожаной обшивки края. Металлические скобки в этом погребении не зафиксированы⁷.

Следует отметить уникальную находку, сделанную в Тирском торфянике на юго-западе Латвии⁸. Здесь был обнаружен клад IX в., в состав которого входили два деревянных щита. Первый щит сохранился целиком. Он имел круглую форму (диаметр 85,5 см) и был изготовлен из сложенных досок толщиной 6 мм. Внутренняя и внешняя стороны деревянного поля щита были покрыты кожей. Между кожей и деревом проложена спрессованная трава. Кожа припнута к деревянному полю щита в центре и по краям. В центре щита пропилено отверстие диаметром 11,5 см, которое с внешней стороны закрывалось каповым умбоном в форме полушария с краями, на которых имеется 14 отверстий для заклепок. Возможность использования деревянных умбонов объясняет находку в нескольких курганах Гнездовского и Михайловского могильников только скобок от края щита.

Помимо целого щита в Тирском торфянике найдена отдельная доска от еще одного щита. Длина доски – 68 см, ширина – 11,8 см, толщина – 1,4 (!) см. Судя по краям доски, щит должен был иметь круглую форму, а его диаметр составлял 73 см. В доске выше ее середины имелось четырехугольное отверстие, возможно, для крепления рукоятки. Найденная доска была изогнута, что указывает на то, что щит был выгнутый.

РЕКОНСТРУКЦИЯ

Исходя из вышеизложенного, сочетая скандинавские и древнерусские материалы, можно представить примерную реконструкцию одного из типов щитов, имевшего распространение в X в. как на территории Древней Руси, так и на территории Скандинавии.

Щиты изготавливались из деревянных плоских дощечек и имели круглую форму. Диаметр щита варьировался от 80 до 100 см, а толщина, по-видимому, редко превышала 6-7 мм. В некоторых случаях щит мог покрываться кожей и (или) краской. В центре дере-

вянного поля щита пропильвалось отверстие круглой или полукруглой (подквадратной) формы. С внешней стороны это отверстие закрывалось металлическим, реже деревянным (каповым) умбоном, который крепился на гвоздях, загнанных с внутренней стороны. С внутренней стороны щита поперек досок крепилась деревянная рукоятка, иногда с кольцами для подвешивания плечевого ремня. Кольца для ремня могли монтироваться и непосредственно на поле щита. Крепление рукоятки осуществлялось при помощи металлических заклепок (гвоздей), но в большинстве случаев – с помощью деревянных гвоздей – нагелей. На краю щита при помощи металлических оковок закреплялась полоска кожи, по всей видимости, дополнительно пришивавшаяся. Подобная полоска кожи могла закрепляться (пришиваться) и без металлических заклепок.

Внешняя (а в ряде случаев и внутренняя) сторона щита могла покрываться кожей и раскрашиваться. По данным исторических саг у скандинавов раскраска щитов имела большое значение. Так, белый щит обозначал мирные намерения, красный – готовность к бою. Судя по изображениям на поминательных камнях, а также миниатюрным подвескам-амулетам в виде щита, найденным как в Скандинавии, так и на территории Руси, наиболее популярным был мотив «вихревой розетки».

ПРИМЕНЕНИЕ

Оценивая боевые качества рассматриваемого здесь щита, вытекающие из его конструкции и веса, а также из кулачного хвата рукоятки, можно утверждать, что это было достаточно маневренное средство обороны, в некоторых ситуациях способное выполнять и роль наступательного оружия (удары умбоном и краем щита). Но так как малый вес и маневренность достигались за счет утоньшения деревянной основы щита, то вполне естественно предполагать недолговечность данного защитного вооружения. В то же время, благодаря простоте конструкции, ремонт или изготовление нового щита, используя при этом старые металлические детали, не представляли трудности даже в «полевых» условиях.

Скорее всего, основная задача подобных щитов заключалась в защите от метательного оружия противника, главным образом стрел и дротиков. Подобное применение щита демонстрирует сцена осады, изображенная на франкском ларце VIII в. Удары мечом и топором, по всей видимости, старались приносить на металлический умбон, хотя в исторических сагах встречаются описания подобных попаданий оружия противника в деревянное поле щита⁹.

– «У Сигмунда был шлем на голове, у пояса меч, а в руках щит и копье. Он бросился на Скарпхедина и тотчас же нанес ему удар копьем и попал в щит. Скарпхедин отрубил древко копья, поднял секиру и разрубил Сигмунду щит до середины. Сигмунд нанес Скарпхедину удар мечом и попал в щит, так что меч застрял. Скарпхедин с такой силой рванул щит, что Сигмунд выпустил свой меч...»;

– «Навстречу Гуннару встал Вандиль. Он не медля, нанес удар мечом, и удар прилепился к щиту. Гуннар быстро отвел щит с застрявшим в нем мечом в сторону, и меч сломался у рукоятки»;

художник и соавтор реконструкций Олег Федоров

Обучение мальчика обращению
с мечом и щитом

Бронзовая накладка на оконечность щитовой рукояти. Бирка (Швеция)

Подвески-амулеты в виде щитов. Бирка (Швеция)

— «...Тогда Хрут повернулся к Атили. Тот немедленно ударил сексирой в щит Хрута и расколол его сверху донизу»;

— «И он бросился на Гуинара в сильном гневе и пробил ему копьем щит и руку. Гуинар с такой силой рванул щит, что копье сломалось у наконечника».

Круглая форма и непрочность щита предполагает, что наиболее эффективно им можно было действовать в свободном строю, а не в плотно сомкнутом. Вероятно именно это качество данного типа щитов и привело к их исчезновению к XI в.

Во второй половине X в. меняется характер военных действий русских дружин. Если во 2-й половине IX — 1-й половине X вв. русам присущи стремительные рейды на кораблях с целью захвата добычи или получения дани, то во время Балканской кампании Святослава, длившейся с 969 по 971 г., осады и обороны крепостей чередовались полемными сражениями, в т.ч. и против армии Византийской империи. Это не могло не привести к изменениям в тактике, что в свою очередь повлияло как на комплекс вооружения в целом, так в частности и на развитие щитов.

Византийский автор Лев Диакон, подробно описавший ход войны 969–971 гг., называет построение русов фалангой, а, повествуя о битве под Доростолом в 971 г., подчеркивает, что «таврскифы [руссы — С.К.] плотно сомкнули щиты и копья, придав своим рядам вид стены, и ожидали противника на поле битвы»¹⁰. В другом месте своего труда он описал щиты русов: «щиты у них прочны и для большей безопасности достигли ног»¹¹. К сожалению, из этого описания не ясно, какой формы были щиты русов. Очевидно лишь то, что

они были вытянуты по вертикали. Маловероятно, что здесь идет речь о миндалевидных (каплевидных) щитах. Щиты подобной формы получили широкое распространение в Западной Европе в XI в. одновременно с развитием и распространением конного боя, а в Византии вошли в употребление во второй половине X в.

В данной статье автор и художник предприняли попытку реконструировать один из вариантов щитов, распространенных в Европе в эпоху викингов, бытование которого в X в. на территории Руси подтверждено археологическими материалами. По всей видимости в эту эпоху на территории Руси использовались щиты и более простых типов, полностью изготовленные из органических материалов. Но отсутствие источников на сегодняшний день не позволяет исследовать этот вопрос подробнее.

¹ Проклос Кесарийский. История войн. // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I : I–VI вв. М., 1994. С. 185.

² Миллерский «Стратегикон». // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I : I–VI вв. М., 1994. С. 371.

³ Карпачевский А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 3 : Доспехи, комплекс боевых средств IX–XIII вв. М.-Л., 1971. С. 35.

⁴ Там же. С. 34.

⁵ Савлов В. Д. Курганы Смоленской губернии. Пгездовский музейный близ Смоленска. // Материалы по археологии России. № 28. СПб., 1902. С. 67.

⁶ Arvidsson G. Schilde. // Birka II. 1986. P. 40–44.

⁷ Beaton P. The «Viking Shields» from Archaeology // <http://members.ozemail.com.au/~chrisandpeter/shield/shield.html>.

⁸ Урман В. А. Древние щиты на территории Латвийской ССР. // Советская археология. 1961. Вып. 1. С. 222.

⁹ Сага о Ньяле. // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 231, 205, 170, 269.

¹⁰ Лев Диакон. История. М., 1988. С. 73.

¹¹ Там же. С. 70.

ПИСЬМО «ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНОГО ЧИТАТЕЛЯ»

В номере 17 Вашего, пока еще уважаемого, издания была опубликована статья А. Малова «Русская пехота XVII века». Эта уже не первая статья данного автора об истории московских вооруженных сил допетровского периода. В отличие от статей Р. Паласиоса-Фернандеса и С. Летина по данной теме в статьях А. Малова представлены в основном настоящие архивные изыскания, ранее не публиковавшиеся. Однако у читателей возникают вопросы, на которые иллюстративный ряд статей не дает ответов, а скорее их выдумывает.

На стр. 12 мы можем увидеть латы 2-й половины XVII в. В подписи они названы пикинерскими. И если каска действительно соответствует этому определению, то нагрудные латы явно кавалерийские, а не пехотные. На это указывает их конструкция: полное отсутствие возможности крепления нижних пол и дополнительное прикрытие правой и левой сторон туловища. Хотя данный образец вообще не следовало использовать для иллюстрирования как типичный. Представленная вещь является оригинальной, крайне редко встречающейся формой переделки массивного ожерелья, носившегося офицерами или кавалеристами, реже мушкетерами.

На стр. 16 в доказательство постулата о серых сермяжных штанах приводится кар-

тинка из «Книги венчания на царство Михаила Федоровича Романова» 1672 г. Некорректность подобного доказательства даже не в том, что в цвете мы видим не оригинал, а раскрашенную литографию XIX в., а в том, что нам предлагают обратить внимание на серый цвет штанов знаменщика и желтом кафтани. Видите ли, художник нарисовал их автоматически, так как они у всех такие — серые сермяжные! Правда, у знаменщика в красном кафтани, которого мы можем увидеть на той же иллюстрации, штаны выкрашены в желтый. А этот цвет, что доказывает? Не иначе особый ранг обладателя желтых штанов — два КУ с приседанием, если не ошибаюсь.

Конкретно о реконструкции солдатского кафтана на стр. 13. Неопытно, почему вместо более или менее известного по рисункам Э. Пальмквиста, Мейерберга и др. покрою служилого платья, взят какой-то псевдоэтнографический. По-видимому, автор реконструкции (хотя не понятно кто — художник О. Федоров или автор статьи А. Малов?) не знаком с рисунками современников и сохранившимися образцами русского платья второй половины XVII в. На представленной в статье иллюстрации кафтан (или зипун) почему-то лишен характерного небольшого стоячего воротника и обшит какой-то синей полоской, на которую, по-видимому, расположили целый ар-

шин лазоревой крашенины (это из 4 аршин на весь-то кафтан). Чтобы набрать положенную 4-ю часть от всей площади кафтана, подобными ленточками надо бы обшить спину (которую не видно) полосками, как на тельняшке. Более логичным было бы пустить синее сукно на глубокую обшивку внутренней части передних пол кафтана. При тогдашней манере ношения верхней одежды правая пол юбки кафтана была слегка отвернута, демонстрируя свою изнаночную часть.

Отдельный разговор об 3 аршинах гарусного шнура «на петли». Во-первых, если разделить 243 см на 12 пуговин, то получается 17,75 см на каждую пуговину, т.е. та самая четверть, о которой в 1683 г. пишет Э. Кэмфер: «кафтаны... застегнутые, по русскому обычаю, на груди золотыми шнурками длиною в одну четверть». А представленные на рисунке «завитки» шнура не только не логичны, но и меньше 3-х аршин, тем более что на правой пол кафтана вообще не понятно, что они делают. Автора (или авторов) реконструкции, вероятно, смутило определение «на петли». Посчитали, что при стандартном горизонтальном креплении гарусного шнура на обоих полах кафтана значился бы шнур на «нашивки», а не на «петли». Но, обычно, нашивкой обозначали гадузное украшение петель. В данном же случае речь идет о плоском гарус-

ном шнуре, положенном в один ряд. А петельку, цепляющую пуговицу, можно скрутить из той же нитки, которой и пуговицы пришиты, да и весь кафтан шили. Во-вторых: «забыли» про разрезы на боках, кстати, тоже оформленные петлями и пуговицами. Таким образом, на груди могло быть ни как не все 12 пуговиц, а 10 или даже 8, в зависимости от того — по одной или по две пуговицы было пришито на боковых разрезах в полках кафтана.

Также вызывает недоумение «приталенность» кафтана, весьма не свойственная русскому костюму того времени. Ведь при крое главное было уложиться в выданное сукно, ширина которого зависела от рабочей ширины конкретной ткацкой машины, — величины, не унифицированной в XVII в. даже в «передовой» Западной Европе. По-видимому, с этим, а не с модой или еще чем, связан тот факт, что на служилый кафтан шло то 4, то 5 аршин сукна. Костяные же пуговицы, как и стеклянные и пуговицы узелком, традиционно имитировали хорошо известные дорогие металлические шаровидные, а не показанные плоские как на кальсонах прошлого века.

Можно сказать, что «видение» у авторов реконструкции свое отдельное и как вариант имеет право на существование. Но если оно не логично, не аргументировано и не профессионально, так может с этим не в «Цейхгауз», а в какое-нибудь другое издание из тех, кои тот же «Цейхгауз» громит в своих обличительных статьях? Публикация данной заметки показала бы читателям журнала, что издание готово к конструктивной критике не только чужих, но и своих материалов.

Доброжелательный читатель
Р.Паласиос-Фернандес

ОТВЕТ «ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНОМУ ЧИТАТЕЛЮ»

Опубликовав критическое письмо, редакция «Цейхгауза» продемонстрировала не только готовность отвечать на вопросы читателей, но и максимальную открытость для любых замечаний, даже в такой форме, как это сделано уважаемым художником, выступившим под титулом «Доброжелательного читателя» («ДЧ»). Конечно, непрофессиональные, неаргументированные и нелогичные претензии к публикуемым в журнале материалам вряд ли могли бы заинтересовать автора, редакцию и читателей. Посему мы склонны видеть в полученном письме попытку поднять важные вопросы истории вооружения и служилого платья московской пехоты XVII в., и мы с радостью готовы подробнее остановиться на затронутой теме.

Но прежде, чем мы остановимся на конкретных моментах, следует развеять существовавшее заблуждение «ДЧ». Иллюстрации к нашим статьям сами по себе не «дают ответов» на вопросы. Задача их принципиально иная: сделать изложенный материал более наглядным.

Следующим принципиальным моментом для любой научной публикации является точная аргументированность выводов и утверждений. В этом контексте интересна твердая убежденность «ДЧ», что приведенный в статье нагрудник из собрания ГИМ принадлежит ка-

валерийским латам. Хотя какие-либо основательные работы по атрибуции как данного экспоната, так и в целом по истории вооружения полков нового строя отсутствуют. Попытки же заменить источниковую базу «логическими» рассуждениями при всей своей занимательности относятся к области творческой фантазии «ДЧ», навязчиво убежденного в чрезмерно высокой для XVII в. степени стандартизации и типологизации вооружения, снаряжения и служилого платья. Ношение шпикерами европейских армий на протяжении XVII в. лат, в том числе и без пол, не является ни нашим открытием, ни откровением. Солдатские латы закупались Россией в разных странах Европы у ряда поставщиков начиная с 1630-х гг. Их производство было налажено и на первых русских частных мануфактурах. Изображение лат пикьеров на реконструкции и публикации лат из собрания ГИМ показывали читателям существовавшую вариативность использовавшегося в России солдатского латного доспеха. Для русской действительности того времени отсутствие или наличие пол у лат не может служить точным атрибуционным признаком принадлежности их к какому или какому доспеху. Это в полной мере относится и к попыткам оценить оригинальность, встречаемость и морфологию происхождения латного нагрудника из собрания ГИМ.

В письме «ДЧ» также поднят вопрос о степени доверия к опубликованной нами иллюстрации из рукописной «Книги об избрании на царство Великого Государя, царя и великого князя Михаила Федоровича». Ее единственный экземпляр, исполненный «в лицах» в 1672-73 гг., хранится в собрании Оружейной палаты Московского Кремля. Достоинство же исследователям издание вышло в 1856 г. При этом все иллюстрации Книги были скопированы граверами в виде черно-белых прорисовок. Но с одной миниатюры сняли копию литографическим способом в красках. Именно она и помещена в «Цейхгаузе» № 17. На ней изображен строй московской пехоты «в цветном платье», естественно, в том виде, в каком автор рисунка мог ее видеть к началу 1670-х гг.

Мы намеренно не определяем данную пехоту как стрелецкую, поскольку с 1650-х гг., тем более с образования в 1658 г. московских выборных солдатских полков, в парадно-дворцовых и посольских церемониях принимала участие и пехота нового строя — солдаты. Но эти различия для автора миниатюры не были ни существенными, ни значимыми. Его рисунок представляет обобщенный образ московской пехоты. Помимо отсутствия цветового монолита служилого платья важное значение имеет единственная расцвет-

ная деталь – серые штаны знаменосца в первых рядах, видимые между распахнувшимися полами кафтана. Этот элемент иллюстрирует и опосредованно подтверждает встречавшиеся нам в документах прямые указания о выдаче выборным солдатам и московским стрельцам сермяжных сукоп «на штаны и юрчи». Нельзя утверждать, что все московские стрельцы или выборные солдаты поголовно были только в некрашеных сермяжных штанах. Для подобных смелых заявлений у нас нет, да и не может быть, исчерпывающих оснований. Однако все имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют утверждать, что за весь XVII в. не было ни одного случая обеспечения государством московских стрельцов и выборных солдат цветными штанами: идет ли речь об изготовлении партия подобных штанов, выдаче на них материи или денег. В то же время документы подтверждают факты изготовления, владения и ношения цветных штанов начальными людьми московской пехоты. Но и в этом случае речь не идет о каком-либо централизованном обеспечении ими командного корпуса. Изображение на миниатюре стрелецкого знаменщика или солдатского подпрапорщика в серых штанах как раз подтверждает этот известный нам по документам факт. Что же касается другого знаменщика, который привлекал внимание «ДЧ», то мы вообще не вклились бы утверждать, что виден в распахнувшихся полах его кафтана: изображение достаточно схематично, ноги прикрыты предстоящим строем пехоты.

Предположение автора письма, увидевшего здесь желтые штаны, вполне допустимо. Но нельзя использовать эту гипотезу в качестве аргумента, доказывающего наличие цветных штанов у солдат и стрельцов. Во-

первых, возможно, изображен солдатский прапорщик из начальных людей. С другой стороны здесь могут быть показаны не штаны, а длинное одеяние, которое мы можем видеть на другой миниатюре «Книги...» на нескольких пешеходных людях, стоящих в первых рядах пехотного строя. Но точно определить, что это – польско-украинские шаровары или длинный нижний кафтан, выступающий из-под верхнего, – затруднительно.

Рисунки иноземцев Э.Пальмквиста, А.Олеария, А.Мейерберга, Н.Витсена без сомнения являются важным изобразительным источником. Они позволяют представить общий внешний вид русских людей XVII в., подчеркнуть иноземцами манеру ношения одежды, ее конструктивные особенности. Например, на рисунках Пальмквиста видно, что боковые разрезы на кафтанах московских стрельцов на некоторых имеются, а на некоторых отсутствуют. При том внимании, которое Пальмквист уделял деталям и точности своих рисунков, они не только наглядно иллюстрируют, но и вполне убедительно показывают, что разрезы на боках русских кафтанов были факультативным, а не обязательным элементом, каковое мнение могло сложиться под влиянием исторических реконструкций Р.Паласиуса-Фернандеса.

Немногие сохранившиеся образцы одежды допетровской эпохи, хотя и принадлежат в основном царскому семейству и московской элите конца XVII в., тем не менее, также могут прояснить некоторые элементы кроя и шитья русской одежды данного столетия. Отдельное значение имеет приведенный нами в статье зипун XVII в., найденный при археологических раскопках. Он, по всей видимости, представляет одежду большей части населения России. Опубликованная М.Н.Левинсон-Не-

строй московской пехоты «в цветном платье» из «Книги об избрании на царство Великого Государя, царя и великого князя Михаила Федоровича» 1672–73 гг. Обращает внимание единственный нецветной элемент – серые сермяжные штаны стоящего в первом ряду пехотного «знаменщика»

чаепоп схема кроя данного кафтана показала, что на зипунах, как и на русских рубашках, употреблялась подмышечная ластовица. Разница заключается лишь в том, что ластовица на рубашках была непременно конструктивным элементом, использование же ее на зипунах вероятно не было обязательным и зависело от конструкции рукава.

Все вопросы истории «служилого платья» и вооружения русских войск XVII в. надо решать по очереди, применительно к конкретным ситуациям определенного исторического периода. К сожалению, некоторые авторы в целом ряде ярких и красочных статей по русским войскам XVI–XVII вв., как вышедших ранее, так и публикуемых сегодня, утрачивают настоящий «виннигрет» из разнородной разнохарактерной информации.

Реконструкция солдатского кафтана, сделанная Р.Паласиусом-Фернандесом, вполне имеет право на существование, однако требует обязательного источниковедческого комментария. Подобный кафтан был приведен нами в «Цейхгауз» № 15 на рейтарском подпрапорщике. Однако необходимо учитывать, что при изготовлении партия служилых кафтанов в 1653–54 гг., реконструкция которых мы предложили читателям в предыдущем номере, правительство исходило из принципа экономии. Кафтан же, нарисованный «ДЧ», просто дорожке сшитых по подраду Казенного приказа. Впрочем, каждый аргумент нашего оппонента заслуживает внимания.

Воротник: «Характерный» небольшой стоячий воротник употреблялся на Руси со средних веков даже на нижних позолотных рубашках, но нигде ни на каком виде одежды не был обязательным. Воротник как деталь древнерусского костюма назывался «ожерелем» или «ожерелкой». Зипуны шились «с ожерельем» и «без ожерелей». Встречаются упоминания об «ожерелье» и на стрелецких кафтанах, хотя в этом случае на зипун шло чуть-чуть больше сукна. В 1653 г. при изготовлении кафтанов на каждый из них было отпущено ровно по 4 арш. сукна, а среди конструктивных деталей кафтана, на который отпускались материалы и деньги, никаких «ожерелок» не упоминается. Так же не упоминаются документом и удорожавшие заказ от-

В строю московской пехоты вырисованы стрельцы (или солдаты) в кафтанах, застегнутых как с помощью нашивков, так и на пуговицах; у большинства пехотинцев отсутствуют какие-либо воротники или ожерелки, одежду некоторых воинов довольно сложно атрибутировать. Настоящий рисунок современника весьма наглядно иллюстрирует отсутствие единого жесткого образца в служилом платье пешеходных людей Московского государства. (Прорисовка с цветной иллюстрации в «Книге об избрании...»)

вороты рукавов, которые мы видим на рисунке Паласиоса-Фернандеса, называвшиеся в России XVII в. «зарукавьем». Дальнейшие фантазии на эту тему – «от лукавого».

Подпущка: «Подпущка около кафтана» делалась не по периметру под, как полагает наш оппонент, а по периметру всего кафтана. То, что изображено на реконструкции «ДЧ», имело место, но называлось «подбивкой под» и употреблялось на некоторых видах кафтанов, например, у части дворцовых слуг. При шитье в 1653 г. партии солдатских кафтанов такую «глубокую обшивку под», каковая изображена «ДЧ», не могли сделать при всем желании. Дело в том, что при реконструкции «ДЧ» исходил из того, что 1 арш. лазоревой крашенины составлял четвертую часть от всего отпущенного на кафтан «портище» сукна в 4 арш. Но уважаемый оппонент глубоко заблуждается, исчисляя крашенину по «суконым» правилам. Дело в том, что крашенина представляла собой льняное полотно местного деревенского производства, которое, естественно, не входило в 4 арш. сукна, а выдавалось на «приклад». Судя по документам, вытканная на горизонтальном станке крашенина шириной примерно 36–40 см *ровно в два раза* уступала по ширине сукнам импортным и вытканым на привозных станках. Именно поэтому, например, вместо 4 арш. сукна на обычный зипун шло 8 арш. сермяги или крашенины. Таким образом, реально количество выданной в 1653 г. крашенины в соотношении с сукном составляло не четверть, а в лучшем случае $\frac{1}{10}$ часть «всей площади кафтана». Тезис же «ДЧ» о манере ношения кафтана со «слега отвернутой правой половиной» вовсе следует отнести к излияниям буйной фантазии.

Нашивка: В России XVII в. кафтаны, в т.ч. стрелецкие и солдатские зипуны, застегивались преимущественно двумя основными способами: посредством «нашивки» и просто на дешевые пуговицы. Тот факт, что не все даже выборные солдаты и московские стрельцы имели на своих кафтанах нашивки, хорошо виден из материалов следственного дела по т.н. «Медному бунту» 1662 г. Тогда с находившихся под следствием солдат и стрельцов были сняты их Государевы служилые кафтаны и отосланы в Москву. При этом большая часть кафтанов имела нашивки, несколько меньшая же – оказалась без них.

Представление «ДЧ» о том, что «нашивкой обозначали галузное украшение петель», является чистейшим вымыслом, что конечно же простительно для творческого человека. Столь же удивительно мнение «ДЧ» о «галузном шнуре», который означает плоский шнур вроде галуна. Хотя, воспользовавшись 4-м томом Словаря древнерусского языка XI–XVII вв., легко убедиться, что слово «галузный» означает шерстяной (как на зипуне из собрания ГИМ), а никак не плоский. В России XVII в. плоский шерстяной и шелковый шнур в зависимости от предназначения и надежности назывался либо «тесемкой», либо «галуном».

Шерстяной или шелковый шнур практически всегда в нашивке шел в два ряда. Принеменно к солдатским кафтанам 1653 г. на каждое из 12-ти звеньев застежки приходится по 4 першка (до 18 см). Если допустить предположение «ДЧ» о нашивках, то эту длину

Мы повторно публикуем реконструкцию солдатского зипуна, вызвавшего критику «доброжелательного читателя», изменив лишь цвет сукна с тем, чтобы представить еще один вариант расцветки

следует сложить пополам и разделить еще раз надвое – на две половины кафтана, в результате чего получим расчетную длину звена на одной половине кафтана в 4,5 см. Из этого числа следует вычесть длину шнура, пошедшего на петли, т.е. даже предполагать, что их при наличии шнура могли «скрутить из той же нитки», совершенно абсурдно. Таким образом, реконструированная «ДЧ» длина нашивки «в четверть» исчезает, а появляется длина нашивки менее чем 4 см на каждом борте, каковая длина была вполне уместна, возможно, на нижней натальной подолотной рубашке, но весьма маловероятна на солдатском зипуне.

На реконструкции кафтана 1653 г., опубликованной в «Цейхгаузе» № 17, изображен способ застегивания на дешевые костяные пуговицы. Такие пуговицы, употреблявшиеся для застегивания кафтанов при отсутствии нашивок, по археологическим находкам известны со времен Древней Руси. Они представляли по форме либо палочки, либо плашки с отверстиями от одной до трех для прищипывания. Показанная застежка на костяных пуговицах с петлями из гарусного (шерстяного) шнура в народном костюме использовалась и после XVII в., а в рассматриваемую эпоху может быть проиллюстрирована строем московской пехоты из той же «Книги избрания...».

Что касается «притянутости» кафтанов, то действительно, выкройная спина появилась в крое русской одежды лишь в последней четверти XVII в. Однако какое отношение изображенный в «Цейхгаузе» № 17 реконструированный солдатский зипун 1653 г., у которого талия выкроена по ширине плеч, имеет к действительно притянутому кафтану? Этот тезис «ДЧ» для нас остается загадкой.

Еще один пассаж «ДЧ» касается импортного сукна, шедшего на Государевы служилые кафтаны. Хотя жестких стандартов его ширины еще не существовало, сама стандартизация таких станом и интересы коммерции привели к унификации ширины сукна, вырабатывавшегося мануфактурами Европы, а от них эти стандарты и машины попали в Россию. Учет и мера сукна по длине свидетельствует о достаточно высокой степени стандартизации. Очевидно, допуски разницы по ширине также были небольшими. Точный учет всего Государева имущества не пропустил бы таких различий, ведь даже отрезавшиеся при выдаче сукна на кафтан «покромо» строго учитывались и шли в дело. Все стрельцы, солдаты и другие рядовые русские ратные люди получали на кафтан по 4 арш. сукна «в портище» (если не было огорок об ожерельях). Разница в выдаче вместо обычных четырех 5 арш. сукна в пехоте всегда связана с командным корпусом начальных людей, либо же с состоявшими на русской службе иностранцами. Причины подобных различий не всегда можно проследить или достаточно убедительно объяснить. Но безусловным фактом является отсутствие какой бы то ни было связи в выдаче 4 или 5 арш. сукна с шириной материи. Здесь требуется специальное исследование, а не догадки.

В целом реконструированный Р.Паласиосом-Фернандесом кафтан вполне мог иметь место на протяжении XVII в. у некоторых служилых людей. Но к той партии солдатских кафтанов 1653–54 гг., о которых идет речь в опубликованном нами в «Цейхгаузе» № 17 документе, предложенный «ДЧ» кафтан никакого отношения не имеет.

Александр Малов

«КОННОСТЬ, ЛЮДНОСТЬ И ОРУЖНОСТЬ» СЛУЖИЛЫХ «ГОРЮДА» ПЕРЕД СМОЛЕНСКОЙ ВОЙНОЙ

НА МАТЕРИАЛЕ БОЛЬШИХ ЛУК

Александр Мазов

XVII столетие – первая эпоха в истории России, обеспеченная массовыми документальными источниками. Приказное делопроизводство позволяет не только зачастую в деталях воссоздать ход военных действий, но и полностью исключает для профессионалов и любителей возможность представить русскую армию в виде бесчеловечных орд Гога и Магога, исторических бездонных глубинами Тиритара¹. Документы предоставляют нам уникальную возможность реконструировать численность, состав, «конность, людность и оружность» русской поместной конницы этой эпохи.

Русская поместная конница в XVII в. состояла из двух неравных по положению и численности категорий: из «московских чинов» Двора Великого Государя и городских дворян и детей боярских. Провинциальное дворянство (городовые дворяне и дети боярские) объединялось по территориальному признаку в рамках уезда, где было исполнено, в служилую корпорацию, замыкавшуюся на уездный город. Такая корпорация также называлась «городом». Чтобы не путать два этих понятия городскую служилую корпорацию обычно называют служилым «городом». До 1630-х гг. городские дворяне и дети боярские составляли основу войска московских царей. Разрядный приказ через назначение служилых окладов и раздачу жалованья организовывал учет Государевых служилых людей. Основными учетными документами являлись десятки различных видов: разборные, раздачные и пр. Значение служилых «городов» для армии и государства трудно переоценить. Именно позиция служилых «городов» сыграла главную роль как в падении Годуновых и Шуйских², так и в изгнании из России польско-литовских войск и усмирении разбойного казачества³. Что же представляли собой городские служилые люди исследуемого нами региона, когда к 1620-м гг. России удалось выйти из Смуты, изгнав за пределы страны интервентов и авантюристов и подавив внутренних мятежников.

Городские служилые люди по своему социальному положению делились на служилых «по отечеству» и «по прибору». «По отечеству» служили дворяне и дети боярские, которые также состояли из трех основных категорий: «выбор», «двор» и «город». Служившие «по выбору» или «по московскому списку» составляли элиту городского дворянства и несли свою службу в составе московского двора, почему городские десятки иногда даже не учитывали выборных дворян. Основу городской служилой корпорации составляли служащие «по дворовому списку» (собственно городские дворяне) и «по городовому» (городовые дети боярские). В городскую

служилую корпорацию входили также и поместные атаманы, есаулы и казаки, занимавшие промежуточное положение между служилыми «по отечеству» и «по прибору». За рамками городской служилой корпорации оставались «служилые по прибору»: неверстные казаки, стрельцы, пушкарники, затинщики, воротники и некоторые другие более редкие и мелкие категории служилых людей.

Подавляющее большинство служилых людей несли военную службу, т.е. являлись ратными людьми. Кроме них в городах на Государевой службе состояли местные чиновники воеводской администрации – подьячие (обычно из наиболее бедных и беспоместных детей боярских), приставы, рассыльщики, казенные кузнецы, плотники и ямщики.

Хорошая сохранность документов по Лукам Великим позволяет в деталях восстановить картину служилого «города». После Смутного времени по Лукам Великим служили фактически три «города»: лужане, пусторжевцы и невяляне, – к которым примыкали двестанцы лужских верстаных и неверстных казаков. Все три «города» с примкнувшими казаками несли службу вместе, хотя никогда не смешивались. После Смуты с потерей Россией Невельского и Пусторжевского уездов Луки стали пограничным городом «от Литовские украини». Это означало, что в случае войны с сопредельным государством служащие по Лукам Государевы ратные люди не посылались в центральную армию. Лужский воевода должен был, сам оберегая город, посылать «голов с сотнями», придавая им «стрельцов с вооружением боем», «в войну», чтобы организовать оборону русских земель и наступление на противника на своем участке границы. Вместе с лужской триединой служилой корпорацией на русско-литовском пограничье несла службу корпорация Торонца «по половинам, переменным». Какими же силами располагал воевода Лук Великий, где как во всех «украинных» городах ратные люди составляли основную часть городского населения.

По итогам первого после Смуты разбора служилых «городов» 1621–22 гг.⁴ лужская десятина 1623 г. показывает на Луках дворян и детей боярских: 148 лужан, 35 пусторжевцев и 59 невялян; казаков в двух станицах: 127 верстаных и 83 неверстных; 300 стрельцов, 29 пушкарей, 14 городовых воротников, 2 казенных плотников, 1 кузнеца и 8 рассыльщиков⁵. Тогда для повышения боеготовности воеводы из. Афанасий Григорьевич Козловский и Грязной Исаакович Бартеев раздали всем служилым людям денежное жалованье по их окладам, а тем дворянам и детям боярским, чьи оклады превышали 10 руб., дали по 10 руб. Июньский пожар 1625 г. вместе с дворами уничтожил на Луках Великих «животы и служилую рухлядь» дворян и детей боярских. Для помощи погорельцам через год в два приема

было выдано денежное жалованье от 10 руб. и ниже в размере их служебных окладов⁶.

В 17136 (1627/28) г. для улучшения служебного состояния и материального положения русской конницы по царскому указу стольник воевода кн. Федор Андреевич Елецкий вновь раздал на Луках Великих денежное жалованье дворянам и детям боярским: 143 лужанам, 36 пусторжевцам, 52 невялянам; казачьему атаману, двум есаулам и 211 лужским казакам⁷. При этом «большим старьям» выдали по 10 руб., начиная с оклада в 10 руб. – «на низ оклады их стольна», а неверстанам казакам – по 5 руб. Начавшиеся в 1630 г. на Украине мощные казачьи восстания заставляли русское правительство торопиться с началом войны. В ее преддверии в 17139 (1630/31) г. был произведен новый разбор всех служилых «городов»⁸. Результаты разбора вместе с данными по московским и другим войскам, представленными различными приказами в Разряд, были сведены в единую Смету всех вооруженных сил государства⁹.

Численность: Разбор на Луках Великих в 1631 г. стольником воеводой Федором Васильевичем Бутурлиным и дьяком Потапом Вьюковым дворян и детей боярских лужан, пусторжевцев и невялян и лужских казаков показал не только численность служившей по Лукам поместной конницы, но и ее «конность, людность и оружность». По разбору 17139 (1630/31) г. по Лукам Великим служило дворян и детей боярских вместе с новиками, записанных в полковую конную службу: 138 лужан, 36 пусторжевцев и 51 невялян, – всего 225 чел. в трех «городах»¹⁰. Из этого числа 42 помещика приводили с собой на службу 47 боевых холопов; 37 чел. – по одному и 5 чел. – по 2 холопа. При этом разборщиков и окладчиков обозные люди практически не интересовали: ограничили лишь заявлением окладчиков, что за всеми записанными в конную полковую службу помещиками будет «в коню по человеку, а у иных и по два человека», – в этих холопах заинтересованы были сами помещики, а не правительство¹¹. Таким образом, дворяне и дети боярские к началу Смоленской войны на полковую конную службу потенциально могли выставить до 272 всадников.

Атаманов, есаулов и казаков, верстаных и неверстаных, поместных и беспоместных, служивших по Лукам Великим, разбор 1631 г. зафиксировал 214 чел., каковое количество сохранялось практически неизменным с 1620 по 1633 г.¹² При разборе в лужской съезжей избе «сыскали... Государеву указную прежнюю грамоту» 7127 (1618/19) г. о верстаных лужских неверстаных казаках, которые переведены с Невля на Луки Великие, 93 чел. «Богдановы станицы Порываева за их за многие службы», каковой указ о поверстании и исполнении в ходе разбора¹³. При проведении опроса казачьи окладчики заявили в отношении «невель-

Дворянин Петр Максимов сын
Лукомский, возглавлявший список
дворян и детей боярских
Великолукской служилой корпорации.
В Смоленской войне 1632-34 гг., являясь
первым сотенным головой, фактически
выполнял обязанности полкового
воеводы на направлении
Луки Великие — Невель — Полоцк.

художник Олег Федоров

ских переведенцев», что «служат они с ними Государевы службы под Смоленском и во Пскове и на Невле и в Рамыше острожские служивые и после того, как с Невлы переведены, ... служат они с ними верными казаки всякие Государевы службы конные и пешие и на заставах в Псковском острожке и по рубежу по многим по разным заставам и в иных послыках и на Луках Великих на городе корабля корабляты; а в воровстве ни в каком нигде не бывали». Слова казацких окладчиков подтвердили и окладчики из лучших дворян: «те неперстанные казаки на Государевых на многих службах с ними бывали и в охотах сносились». После верстанья «невельских переведенцев», которых к моменту поверстанья оставалось годных к Государевой конной полковой службе 91 чел., разбавив десятиями 1631 г., насчитывает всего верстаных казаков, записанных в полковую конную службу, в двух станицах: атамана, двух есаулов и 116 рядовых¹⁴, двух из которых на службу Великому Государю сопровождали по «малому»¹⁵. Таким образом, всего по списку поместных казаков служил 121 всадник. Однако верстаные по разбору 1631 г. «невельские переведенцы» не были испомещены и на протяжении ближайших нескольких лет продолжали служить с Государева денежного и кормового жалования вместе с неперстанными казаками по единому списку беспоместных казаков, насчитывавшему в 1631–33 гг. 186 чел. во главе с есаулом Нечаем Афанасьевым¹⁶. Таким образом, беспоместные казаки к началу войны с Речью Посполитой состояли пополам — из учтенных разборной десятией 1631 г. верстаных и неучтенных данной десятией неперстанных казаков. Всего, по нашим подсчетам, к началу войны лужские казаки выставляли для конной полковой службы 216 всадников, включая поместных и кормовых, верстаных и неперстанных, а также «малые».

Кроме внесенных в списки полковой конной службы, в конную городовую и осадную службу было записано дворян и детей боярских трех городов 31 чел. Из них 18 чел. не могли служить полковой службе за одно-

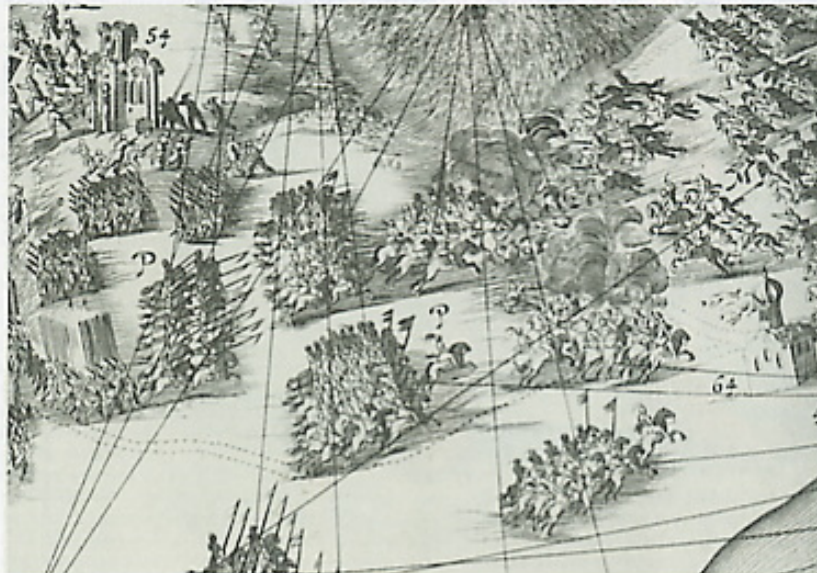
ство и болезнью, а 13 — «за старостью и от ран увечье». Причиной обнищания были: крайняя бедность на фоне худых и пустых поместий или полного отсутствия таковых, а также многодетность семей (у ношников) и сиротство. Во втором же случае все старые и увечные проходили не только опрос, но и осмотр в съезжей избе. Помимо старости десятии зафиксировала следующие увечья записанных в конную городовую и осадную службу стариков: «в полону в Литве был пытан и жжен — спина вся и хрящцы высохли, гниет», «голова иссечена», «пытан на Луках за царя Василия», «обе руки и обе ноги пробиты ис пичали», «обе ноги пробиты ис пичали насквозь, правая рука в трех местах посечена, голова иссечена», «правая щека, язык и зубы пересечены, голова в трех местах рассечена, повисшие сердца пробиты насквозь рогатиной». Помимо этих воинов, записанных все же в конную службу, двое лучан были записаны в городовую и осадную пешую службу, поскольку оказались не способными к конной: один — «в древней старости», другой — «болен сердечною болезнью, малоумен и беден». Но трех внесенных в десятию нусторженцев окладчики не решились записать даже в пешую осадную службу: ученого старца 90 лет и двух «молодых» глухих и полуслепых 70-летних дворян из-за их увечья: у Романа Дмитриева сына Коромышева «правая рука пересечена, левая — из пичали перебита, спина пробита насквозь копьем, голова иссечена», у Федора Юрьева сына Неелова «рассечен висок правый и ушко, спина пробита копьем насквозь». Картина служилого «города» будет неполной, если мы не учтем не внесенного выше ни в какие списки верстанного и 7138 (1629/30) г. новика, который «Великому Государю изменил — сбегал в Литву». Также надо отметить учтенных выше в числе записанных в полковую конную службу: посаженного в съезжей избе «за приставам» новика 136-го (1627/28) г. по делу об измене его брата; а также двух лучан дворянина и сына боярского, служивших на Луках Великих в сотниках у лучских стрельцов.

Кроме традиционной внутренней структуры служилого «города» при разборе 1631 г. правительство разделило всех служивых землевладельцев на три статьи в соответствии с готовностью ратных людей к службе. Зная, что в числе 225 дворян и детей боярских и 119 казаков в полковую конную службу записаны служивые люди в возрасте от 15 до 70 лет, можно предположить, что правительство нуждалось в более строгом отборе людей для походной службы, чем и была вызвана попытка внедрения новой системы учета служивых землевладельцев. В 1-ю статью было записано 180 дворян и детей боярских трех «городов» и 84 верстаных казаков, во 2-ю — 31 сын боярский и 24 казака, в 3-ю — 14 детей боярских и 11 казаков. Обеспокоенные «города» правительство поспешило успокоить, что разделение ратных людей конной полковой службы на статьи никак не отразится на служивых корпорациях и службе ратных людей.

«Конность»: В военно-исторической литературе является общим местом, что русская поместная конница XVI–XVII вв. служила на «армаках», «коных» и «меринах». При этом обычно объясняется, что «армак» — конь польского или турецкого происхождения, «коные» на Руси назывались боевой конь ногайской породы, а «мерин» — конь местного, русского происхождения¹⁷. М.М.Денисова даже утверждает, что «на протяжении всего XVI и XVII столетия под понятием «коные» определенно подразумевалась выхолощенная лошадь ногайской породы»¹⁸. Данное мнение лишь пересказывает без какого-либо критического анализа сообщение французского авантюриста Жака Маржерета, служившего в России в 1600–1606 и 1607–1611 гг.¹⁹

Маржерет, рассказав о «коных» — ногайских лошадях, грузинских легких верховых лошадях и об «армаках» — турецких и польских лошадях, сообщает: «все их лошади холощенные», повествуя далее по тексту о местных лошадях — «меринах»²⁰. Некритическое использование записок иностранцев неоднократно приводило историков к серьезным ошибкам. Тем более это удивительно в отношении XVII в., где есть благодатное поле для проверки. Ведь никому не придет в голову доверять (как в случае с лошадьми) рассказу Маржерета о произрастающих в Астрахани баранах — полуживотных-полурастениях.

Данным Маржерета сразу же напрашивается чисто логическое возражение, связанное с терминологией: если «мерин» означает не холощенного коня, а коня местной русской породы, то каким словом в русском языке определялся холощенный конь. Полная принадлежность лошади является важнейшей статьей ее определения и описания. Все остальные черты по сравнению с этой вторичны. В истории взаимоотношений лошадей и людей известно лишь три пола лошади: конь (жеребец), лошадь (кобыла) и холощенный конь (мерин)²¹. Русские документальные источники XVII в. знают лошадь, коня и мерина, но никакого иного термина, обозначающего холощенного коня в документах не встречается. Кобыла на Руси никогда не ис-

Бой русской и польской конницы под Смоленском (1632–33 гг.).
Фрагмент гравюры В.Гондруса
«План осады Смоленска». Данциг. 1636 г.

пользовали на войне: они были слишком ценны для воспроизводства. Исходя из тех же соображений, более чем сомнительно, чтобы холостили ценных привозных лошадей, если рассчитывали получить от них потомство: артамаков, бахматов, немецких лошадей. Сообщение Маржерета следует принять как свидетельство существования в России традиции холощения лошадей. Существование такой традиции несложно объяснить: в условиях бескормицы северной лесной страны, тем более в условиях военных походов, большая упитанность, «дорощество», являющиеся неизбежным следствием кастрации, могло спасти жизнь коню, а следовательно и его владельцу. Считается, что холощеные кони лучше поддаются выезде и более послушны. В то же время, опираясь на собственный весьма скромный опыт верховой езды, решимся утверждать, — конь, холощеный в зрелом возрасте, своих лидерских качеств с кастрацией не теряет.

Кроме того, если «конем» в России той эпохи называлась лошадь ногайской породы, то распространение таких коней неизбежно должно было иметь географическую привязку: Москва и центральный регион и контактная с татарами зона — южная «украина». Однако таковой «географии» распространения «коней» документы XVII в. также не подтверждают. В то же время исследование русско-ногайской торговли лошадьми дает достаточно богатый материал, который сильно различается с данными сочинений европейских путешественников и авантюристов. Пригоняемые ежегодно к Москве «артабазарными станциями» ногайскими (а впоследствии астраханскими) татар табуны делились по ряду критериев. Типологически в русских документах выделяются артамаки, иноходцы, «кони отрядные» и кобыла. Как тонко подметил В.В.Третьяков, именно масштабность конского татарского импорта создала у западных иностранцев впечатление, что «конем» в России назывались лишь ногайские лошади²¹.

Разборная луцкая десятина 1631 г. различает коней и мерин. Среди мерин десятилетия выделяет «мерин добрых», «мерин литовских» и «меринских». На конях выезжали на службу: 109 лучан, 34 пусторжевца, 42 невянина, 3 боевых холопа и 48 верстаных казаков, — всего 236 всадников. На меринах же служили 27 лучан, 2 пусторжевских новика, 8 невянин, 44 боевых холопа и 73 поместных казака, — всего 155 всадников. Из их числа 11 лучан, 3 невянина и 17 казаков выезжали на «меринах добрых»; 5 лучан — на «меринах литовских»; 8 холопов — на «меринках». Иметь запасную походную или т.н. «простую» лошадь могли себе позволить лишь 42 помещика, приведших за собой боевых холопов.

«Оружность»: Оружность служилых по Лухам Великим «городов» состояла из двух неравноценных частей: из «збруи» и «ружья». Под первым понималось защитное вооружение — доспех, а под вторым — собственно боевое оружие. «Збруи» из всей массы 393 чел. поместной конницы обладали лишь шестеро (!) лучан, из которых возглавлявший городскую корпорацию Петр Максимов сын Лукомский выезжал на службу в «лати», «зарукавье» (нарукав) и «нишак». Вместе с ним с отцовского поместья служил его сын Михаил в «панисере» и «панке мисюрской». Голова луцких

Царь Михаил Федорович. Портрет из «Титулярника». 1672 г. (РГАДА)

русский престол усугубляли неизбежность военного столкновения России и Речи Посполитой. Правительством Михаила Федоровича и фактического правителя России патриарха Филарета Никитича проводилась большая работа по возрождению и реформированию вооруженных сил страны, обеспечению их необходимым вооружением и припасами²². Городовая служилая корпорация Лук Великих из трех служилых городов и луцких поместных казаков перед Смоленской войной выставляла в поход на конях и меринах 393 всадника, из которых 388 ратных людей были вооружены огнестрельным оружием и почти поголовно — саблями. Всего мобилизационный потенциал великолукского войска для конной полковой службы вместе с кормовыми казаками достигал 488 всадников.

(продолжение темы в следующем номере)

стрельцов Григорий Михайлов сын Чириков в случае конного похода отправлялся на службу в «бехтерце» и «панке мисюрской». Трое оставшихся «збруйных» дворян служили: один — в латах и нишак, другой — в панисере и нишак, а третий — в одном нишак. В XVII в. в России боевые латы для конной службы известны двух основных типов: западноевропейские рейтарские и восточноевропейские, использовавшиеся польскими гусарами. Наличие в комплекте с латами наручей — «зарукавья», являвшихся необходимой принадлежностью гусарского (но не рейтарского) латного комплекта, дает нам основание предполагать использование латниками, по крайней мере в одном из упомянутых случаев, латного доспеха гусарского типа.

«Ружье» почти у всех представителей служилой корпорации по своей типологии было стандартным: «пицаль да сабля». Из всей массы поместной конницы (393 чел.) с саадаком и саблей на службу выезжал лишь один луцкий дворянин. Одной пицалью был вооружен единственный дворянин, причисленный саблею своему боевому холопу. Только саблей были вооружены 14 боевых холопов. Пицаль, сабля и пистолет имели 17 дворян и детей боярских и 2 казака. Если сабли и пистолеты никак не конкретизируются, то «пицаль», под которой составители луцкой десятины 7139 (1630/31) г. подразумевали любое ручное длинноствольное огнестрельное оружие, в ряде случаев уточняется. С «елжею» кавалерийской «пицалью» служило 15 дворян и детей боярских и 2 казака; 2 сына боярских и 1 боевой холоп служили «с пицалью долгой». Картина «оружности» служилого «города» накануне войны с Речью Посполитой завершает «запасный» невеликий дворянин Федор Петров сын Лодыженский, имевший помимо основного комплекта «ружья» из пицали и сабли на запасном «простом» коне дополнительный комплект оружия: еще одну пицаль и панан.

Россия, понесшая по время Смуты крупные территориальные потери, наиболее тяжелой из которых была Смоленск, не могла с ними смириться. Деулинское перемирие 1618 г. рассматривалось лишь как временная передышка²³. Претензии Владислава IV на

¹ Кром М.М. О численности русского войска в первой половине XVI в. // Российское государство в XIV-XVII вв. Сборник статей, посвященный 75-летию со дня рождения Ю.А.Алексеева. СПб., 2002. С. 67-82.

² Андреев И.Л. Дворянство и служба в XVII веке. // Отечественная история. 1998. № 2. С. 164-165.

³ Сталевский А.Л. Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990; Антонов А.В. К истории истории Нижегородского ополчения. // Русский дипломатический. Вып. 6. М., 2000. С. 196-200.

⁴ Воробьев В.М. Из истории поместного войска в условиях послесмутного времени (на примере новгородских служилых городов). // Мавродинские чтения. Материалы к докладом 10-12 октября 1994 г. СПб., 1994. С. 82-91; Колпаков В.Н. Служилый «город» Московского государства XVII века (от Смуты до Соборного уложения). Ярославль, 2000. С. 86-95.

⁵ РГАДА. Ф. 210. Дела десятины. Кн. 19. Л. 1-182.

⁶ Там же. Кн. 20. Л. 1-650б.

⁷ Там же. Кн. 24. Л. 1-174.

⁸ Колпаков В.Н. Указ соч. С. 95-108.

⁹ Сметный список, сколько в Московском государстве служилых людей. 7139 г. // ВОНДР. Кн. 12. М., 1852. С. 18-51.

¹⁰ Мы выражаем свою признательность И.Ю.Айрапетян и всем сотрудникам архивохранилища уникальных фондов РГАДА, позволяющим ознакомиться с этой десятиной, находящейся в ветхом состоянии: РГАДА. Ф. 210. Дела десятины. Кн. 28. Л. 1-112.

¹¹ Там же. Л. 4-40б.

¹² Там же. Кн. 30. Л. 55-1090б, 126-1720б; Кн. 297. Л. 221-2210б, 225-2250б, 228-2320б.

¹³ Там же. Кн. 30. Л. 167-172; Кн. 297. Л. 111-121.

¹⁴ Там же. Кн. 28. Л. 115-135.

¹⁵ Затруднительно определить, кто подразумевался под наименованием «малой» — сыновья этих казаков или просто молодые люди, пока не поверстаные в казачью службу и бывшие в услужении у отпущенных казаков в ожидании своего места в казачьем реестре?

¹⁶ РГАДА. Ф. 210. Дела десятины. Кн. 297. Л. 122-132.

¹⁷ Делюва М.М. Поместная конница и ее вооружение в XVI-XVII вв. // Военно-исторический сборник. Вып. XX. М., 1948. С. 39-40; Колпаков В.Н. Указ. соч. С. 119.

¹⁸ Делюва М.М. Указ. соч. С. 40.

¹⁹ Маржерет Ж. Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета. М., 1982. С. 178-179.

²⁰ Мы благодарим В.Р.Новоселова за уточнение по рукописи подготовленного им к изданию нового перевода записок Маржерета, по которой здесь и цитируется текст.

²¹ Третьяков В.В. Кочевники на русских рынках: Ногайская торговля в XVI-XVII вв. // Отечественная история. 2000. № 3. С. 167.

²² В числе первоочередных задач внешней политики России война с Речью Посполитой за возвращение отторгнутых земель ставилась уже в 1621 г., когда по государству еще бродили последние банды польско-литовской шляхты и русско-украинских казаков.

²³ Сталевский А. Смоленская война 1632-34. Организация и состояние московской армии. Киев, 1919; Чернов А.В. Вооруженные силы Русского государства в XV-XVII вв. М., 1954. С. 123-135; Воробьев В.М. Указ. соч. С. 82-91.

Цена штандарту

В первой половине 1800 года вновь сформированному Кавалергардскому полку впервые пожаловали штандарты. Сведения, содержащиеся в публикуемом ниже документе, в значительной мере дополняют все доселе известные описания этих регалий*. Примечательны и данные о стоимости работ по их изготовлению. Счет был приложен к указу императора Павла I Кабинету Е.И.В., из которого по высочайшему повелению отпускались суммы на изготовление знамен и штандартов. Копии счета сняты в сентябре 1803 года.

Исчисление, во что стоили три штандарта кавалергардские в 1800 году

	Рубли	Коп.
На кресты пунсового мору** с цветочками 6 ар[шин], каждой по 3 р. 50 ко[пейк]	21	
На углы черного мору с цветочками 5 ар[шин], по 3 р. 50 ко[пейк]	17	50
На белые кресты, кои два раза переделявались, белого мору 7 ар[шин], по 3 р. 50 ко[пейк]	24	50
За шитье по 5 р.	15	
За вышивку золотом по 190 р.	570	
На оные бахромы золотой с фигурами и канителью 83 лота 1 $\frac{1}{2}$, золотник, по 1 р. 70 ко[пейк]	141	95
За 3 пары кистей серебряных, по 11 р.	33	
На них приделанной канители серебряной 21 лот, по 1 р. 70 ко[пейк]	35	70
За 3 пары кистей малиновых канительных, по 6 р.	18	
За 3 лосиных ремня на перевязи, по 5 р.	15	
За вышивку оных золотом, по 50 р.	150	
На них бахромы золотой гладкой 14 лотов, по 1.50 ко[пейк]	21	
За 3 пары золоченых крючков, по 4 р.	12	
За 3 древки с бронзою, по 50 р.	150	
За приделанные на кольцах кресты Св. Иоанна Иерусалимского финифтяные, по 45 р. каждой	135	
За 3 чехла, по 30 р.	90	
Итого	1449.65	

Подлинный подписал:
генерал-лейтенант князь Долгоруков

* См. [Висковатов А.В.] Историческое описание одежды и вооружения российских войск. 2-е изд. СПб., 1900. Ч. IX. С. 70-71; Николаев И.Г. Исторический очерк о регалиях и знаках отличия русской армии. Т. II. СПб., 1899. С. 191.

** Мор — шелковая ткань с серебром или золотом, шестковая парча.

Штандарт Кавалергардского полка. 1800.
Реконструкция по литографии Шмида.
(«Историческое описание...»,
Ч. IX. № 1264)

художник Константин Гончаров

Офицер Кавалергардского полка в супервесте, 1800-1801.
Акварель С.М.Борисова, 1840-е гг.
(«Историческое описание...», Ч. IX. № 1165. ВИМАИВиВС)

Вперед наблюдать и соблюдать...

Приказ Военного министра

Апреля 21 дня 1809 года. № 46-й

1-е.

Предписывается вперед при захождении взводов на скором шагу наблюдать следующее правило: дабы противной заходящему фланг не останавливался на месте, а подавался бы вперед – без чего взводы всегда потеряют определенную дистанцию.

2-е.

Неоднократно замечено было, что во время строя господа офицеры держат шпaги неодинаково; почему для общего единообразия предписывается наблюдать правило: дабы левою рукою держать за самый конец шпaги, не поднимая вверх локтя.

3-е.

Во всех егерских полках людей со штуцерами ставить всегда по флангам взводов, а в середине взвода рядовых с штуцерами не иметь.

4-е.

Во время выступления из С. Петербурга 13-го числа сего апреля в Новую Финляндию батальонов 23-го и 24-го егерских у некоторых господ штаб-офицеров и адъютантов были валтрапы; почему и подтверждается оных отнюдь не употреблять, а иметь всегда форменные чепраки с чулками и пистолетами.

Подписал военный министр *граф Аракчеев*

Офицерские новые Знаки

Приказ Военного министра

В С. Петербурге. Июня 1 дня 1809 года. № 71-й

На основании Высочайшего ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА повеления, объявленного мною Государственной Военной коллегии в 6-й день ноября 1808 года за № 1283, имеют господа дивизионные начальники, собрав от составляющих вверенные им дивизии полков гренадерских и мушкетерских сведение: серебряные ли, или медные знаки желают получить служащие в полках гг. штаб и обер-офицеры, прислать ко мне донесения свои об оном по приложенной здесь форме для учинения распоряжений моих о приготовлении и доставлении в каждую дивизию таковых знаков.

Поелику полки: 1-й дивизии – Лейб-Гранадерской и Кексгольмской мушкетерский, 4-й – Волынской, Виленской и Тобольской, – снабжены знаками, а от полков 2-й и 3-й, равно 10-й – от Ярославского и 14-й дивизии – от Углицкого и Софийского мушкетерских, – получены Департаментом Военного министерства подобные уведомления, то новые сведения о сих полках не нужны уже.

При сем случае делаю известным, что комплект знаков для каждого гранадерского и мушкетерского полка полагается следующий:

Штаб-офицерских	6.
Капитанских	5.
Штабс-капитанских	7.
Поручичьих	14.
Подпоручичьих	13.
Прапорничьих	12.

Итого – пятьдесят семь.

Подписал военный министр *граф Аракчеев*

РГВИА. Приказы военного министра за 1809 год. Печатный экз.

Публикация А.Вальковича

Фальшивые казаки

Репорт начальника Главного штаба всех армий генерал-адъютанта князя П. М. Волконского командиру 1-го Отдельного корпуса генералу от кавалерии графу П. Х. Витгенштейну

№ 90

18-го января 1813.

Г. Вилленберг

Доншло до сведения Его Светлости*, что неприятель переодевает своих улан в казачьи платья, дабы тем обмануть наших козаков на передовых постах. Вследствие сего, по повелению Его Светлости объявить всем начальникам передовых постов, чтобы удвоить осторожность на оных.

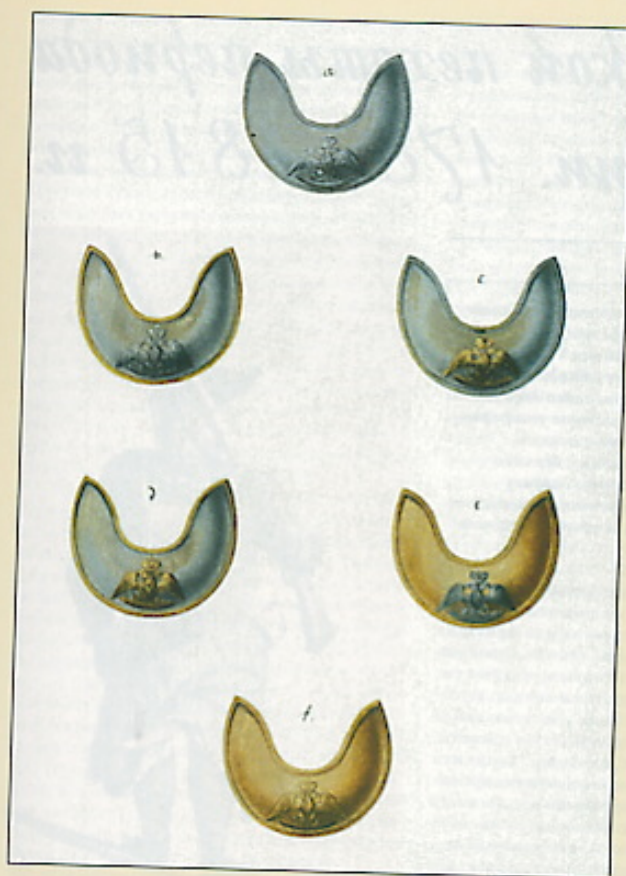
Генерал-адъютант князь Волконской

Пометы: Получено 5-го февраля. № 490. Предписано г.м. князю Сибирскому сего же числа № 658-м.

* Его Светлость – генерал-фельдмаршал светлейший князь М.И.Голенищев-Кутузов, главнокомандующий всеми армиями.

РГВИА. Ф. 103. Оп. 3. Д. 921. Л. 325.

Публикация А.Ефремова

Офицерские знаки. 1808-1820.

Гвардейские офицерские знаки, установленные 20 июля 1808 г.

а. Прапорщика, б. Подпоручика, с. Поручика, d. Штабс-капитана, е. Капитана, f. Штаб-офицера.
(Прим. к гвардейским знакам: надпись 1700 No 19, пожалована в отличие только Преображенскому и Семеновскому полку)
Рис. Сокольского, 1840-е гг. («Историческое описание...», Ч. X. № 1311; Ч. XIV. № 1097. ВИМАИВиВС)

Отца послало Провиденье...

Репорт командующего 5-м пехотным корпусом генерал-лейтенанта Н.И. Лаврова главнокомандующему всеми армиями генерал-фельдмаршалу светлейшему князю М.И. Кутузову

№ 1284

7 декабря 1812 года

1-го сводного грендерского батальона капитан Букарев во время бывшего сражения 26-го августа при селе Бородине находился в деле со 2-ю грендерской ротой на левом фланге Гвардии для прикрытия батареи. Когда убиты были бригадным командир полковник князь Кантакузин и батальонной командир подполковник Албрехт, капитан Букарев, оставаясь старшим, заступил место подполковника Албрехта и при наступлении неприятельской колонны, состоящей в пехоте и кавалерии, ободряя воинских чинов в батальоне, отразил неприятеля и обратил в бегство, заняв его позицию, где и получил сперва контузию картечью в правый бок.

А после того ранен в правое плечо ниже состава* навзлет ружейною пулею, чрез что, ослабев совершенно силами, оставался на месте сражения лежащим между убитыми телами до тех пор, пока угодно было Провидению к спасению жизни послать 60-летнего отца его прапорщика Букарева, служащего в ополчении, посредством коего по перевязке ран отъезден в Москву; получив выздоровление, явился на службу. Вашей Светлости, представя о сем офицере израненном и храбром, осмеливаюсь покорнейше просить наградить его**.

Генерал-лейтенант Лавров

Помета: Представлено Государю Императору.

* Состав — сустав. ** Тимофей Петрович Букарев — офицер Грендерского графа Аракчеева полка, участник войн начала XIX в.; за Бородино — награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом, получил также от А.А. Аракчеева 500 рублей. Он отличился и в Заграничных походах, а в 1815 г. отставлен за ранением подполковником; в 1817-1820 гг. — смотритель Витебского военно-сиротского отделения. В печатных «Известиях из армии» от 14 декабря 1812 г. и ряде периодических изданий его подвиг был преподнесен в соответствующей патристической обработке (см.: Листовки Отечественной войны 1812 года. М., 1962. С. 116-117, 119).

РГВИА. Ф. 14414. Оп. 10/291. Св. 68. Д. 12. Ч. 13. Л. 35-35 об.

Публикация А.Капитонова

О шинелях французской пехоты периода Республики и Империи. 1789-1815 гг.

Игорь КАРПОВ

Те, кто представляет французскую пехоту эпохи наполеоновских войн постоянно действующей в ярких мундирах, белоснежных панталонах, кюлотях с черными гетрами, в киверах, украшенных цветными султанами, этикетками и т.п., впадают в красивое, но глубокое заблуждение. В отличие от практически не боившейся и получившей за это в линейных частях прозвище «бессмертной» Гвардии, армейские солдаты редко доставали из своих ранцев парадное обмундирование. Мундир был дорогостоящей частью униформы, и его старались беречь, одевая в торжественных случаях или же перед сражениями, да и то, лишь в случае, если войсками командовал сам Наполеон. Как правило, верхней одеждой пехотинца в лагере и на походе служила суконная шинель, которую солдат получал в полку, приобретая на собственные средства, «одалживал» у местного населения или брал у противника в качестве трофея. Именно эта вещь определяла общий внешний вид французской пехоты в период многочисленных кампаний.

Уважаемая редакция!

Глубоко признателен Вам за журналы. Являюсь постоянным читателем «Цейхгауза» с момента его появления... Радует то, что журнал остался верен своим принципам: это глубокая научная обоснованность публикаций, прочная источниковая база, оригинальность проблематики, высококачественные иллюстрации и превосходная полиграфия... Тем не менее, начиная где-то с № 10 со страниц «Цейхгауза» сошла зарубежная военная история и униформология, наполеоника. Обидно, что это так, ведь данные темы являлись несомненным украшением журнала. Может, настала «пора собирать камни»?...

С уважением,

Шереметьев О.В.
кандидат культурологии, полномочный представитель Военно-исторической ассоциации России в Барнауле, член исторического общества «Le Souvenir Napoléonien» (Франция)

Как неоднократно подтверждалось на страницах нашего журнала, «Цейхгауз» с большим вниманием следит за всеми откликами читателей, в том числе критического характера.

Мы признательны О.В.Шереметьеву за его отзывы и пожелания. Учитывая, что данное письмо не первое в редакционной почте, указывающее на необходимость публикации материалов о зарубежных армиях вообще и об армии Наполеона в частности, журнал постарается исправить положение.

Надеемся, что предлагаемый в этом номере материал станет прологом серии «иностранных» статей и частично извинит нас за предыдущее молчание.

Редакция

В первые годы Французской Республики армия довольствовалась тем, что сама конфисковывала или могла найти на «местности». На гравюрах тех лет довольно часто среди мундиров пехоты мелькают ридинготы офицеров и шинели солдат, которые в то время еще не были обязательными элементами униформы. Зачастую шинели, наряду с фуражными шапками, являлись единственными предметами обмундирования пехотинцев и представляли весьма пестрое зрелище. Судя по современным иконографическим источникам, верхняя одежда была не только произвольной по покрою, но и по цвету — могли быть даже полосатые образцы! (см., например, «голландский» манускрипт Гаука) Не нужно также забывать и своеобразную «моду» французской пехоты, заимствованную ими у британских войск в североамериканских колониях — шить шинели из старых одеял. Но если у англичан одеяла были единообразными по размеру и серому цвету, то можно себе представить, что происходило в разоренной войной Франции...

По прибытию в Египет, французская армия столкнулась с проблемой достаточно холодных местных ночей, от которых не спасало имевшееся обмундирование и лагерные принадлежности. Солдатам зачастую приходилось почевать прямо на голой земле или, точнее сказать, на песке. В этой ситуации комиссия по обмундированию, созданная в Каире, приняла в сентябре 1798 г. решение об изготовлении 21300 шинелей. Трудности снабжения войск, находившихся вдали от Франции, вынудили пехоту убраться свои мундиры «до лучших времен» и одеваться на походе и в лагере преимущественно в жалеты и шинели, чтобы сохранить свое обмундирование, изготовленное еще в метрополии, хотя бы для парадов. По имеющимся у нас сведениям, шинель шилась из белого сукна, была двубортной с обтаженными поворочками, белыми погонами, темно-синим воротником и альбом обшлагами.

В период Консульства ситуация с верхней одеждой не изменилась в лучшую сторону, и солдаты продолжали донашивать старые пальто или «египетские» шинели. По итогам

Пехотинец времен Республики, 1795 г. На солдате полосатое пальто, видимо, реквизированное у местного населения во время голландской кампании

кампаний 1805 и 1806 гг. было принято решение о снабжении армии шинелями по примеру остальных европейских армий. Могла использоваться как своя, так и трофейная ткань — после удачных кампаний 1805-1809 гг. в распоряжение французской армии попало не только достаточное количество русского, прусского и австрийского шинельных сукон, но и сами шинели. Только пехотинцы корпуса Ланна в 1806 г. получили 4000 штук русских шинелей. Единственным условием было сохранение общей цветовой гаммы хотя бы в минимальном подразделении — роте или даже взводе. Правда, в том, что это строго выполнялось на практике, можно усомниться. На гравюре Гейслера, изображающей французские войска в Пене в 1806 г., представлены пехотинцы в серых, голубых и зеленых шинелях одновременно. Судя по сюжету гравюры, — выдача продовольствия войскам — изображены солдаты одного подразделения, поскольку такие выдачи проводились целенаправленно.

При изготовлении новых шинелей единообразие тоже было относительным. Видимо из экономии средств, на пошив шла небеленая шерстяная ткань местной выделки. А ее

цвет, естественно, зависел от породы местных овец. Для центральной Европы это были сероватые тона, для южной – коричневые. Для юго-восточной Европы (территория Австрийской империи) характерны очень светлые оттенки серого. Недаром на пошив солдатских мундиров австрийской армии шло именно такое некрашеное серовато-белое сукно. Цветное сукно стоило соответственно дороже, поэтому только императорская Гвардия могла позволить себе цветное единообразие верхней одежды (как правило, темно-синие). Основными были серые и коричневые шинели различных оттенков, что хорошо показано на современных гравюрах Гейслера, Берка, Циммермана, планшетах «гамбургского» манускрипта и т.д. Но могли быть и совсем уж «радикальные» цвета, как яблочно-зеленые шинели 5-го линейного полка в 1809 г. или белые 7-го и 13-го легких полков в 1807-1809 гг. Дело тут не во вкусах – просто использовалась та ткань, которая была в наличии.

По покрою шинели были одно- или двубортные, длиной до колена или чуть ниже, с воротником стойкой и отворачивающимися обшлагами. Судя по изображениям, шинели не подгонялись по фигуре и «сидели» достаточно мешковато, что, вероятно, давало возможность солдатам поддевать зимой какую-либо дополнительную теплую одежду. Иногда попадались весьма интересные экземпляры – с цветными воротниками, как на «египетской» шинели. Такие образцы показаны в манускриптах Гейслера (вольтижер, коричневая шинель) и планшетах Мартини № 224, 245 (гренадеры, серые шинели). Везде показаны воротники алого цвета. Возможно, что так выделялись шинели элитных рот от рот центра – фузилеров, у которых воротники были цвета основного сукна шинели.

Еще одним примером цветовых различий воротников может служить зафиксированная в русских документах шинель фузилера 17-го линейного полка Карла Бошеле, раненого и взятого в плен под Смоленском в августе 1812 г. (Восенний сборник. 1904. № 4). Аналогичный образец приведен в работе Пизжара, посвященной хронологии сражений Наполеона Бонапарта. В этой книге опубликована раскрашенная гравюра, изображающая французского гренадера в длиннополной белой двубортной шинели, застегивающейся на ряд пуговиц, доходящих до самого низа борта. Исходя из деталей, рисунок был сделан с натуры в Испании. Воротник данной шинели опять-таки голубой (синий?). Учитывая разброс указаний на подобные образцы от России до Испании, можно предположить, что это следование какой-то армейской моде, о которой мы пока не можем сделать определенных выводов из-за недостаточности изображений. Не исключено также, что подобные цветные воротники – дань моде гражданской одежды. По крайней мере, шинель «испанской» фигуры явно не армейского происхождения. «Мода» на цветные воротники сохранилась и позднее. До-

налад Фостен в своем исследовании униформы французской линейной пехоты в 1815 г. при Ватерлоо, ссылался на материалы Аэрса и коллекцию Рубенса, отмечает серые и светло-бежевые шинели с красными воротниками. Верие в одном из планшетоу дает легкую пехоту на 1814 г. в серых шинелях с красными воротниками. Тут могут быть два варианта появления подобных экземпляров верхней одежды: или это были «барденские» образцы, самостоятельно украшенные солдатами (что в принципе возможно, но маловероятно, тем более в конце Империи), или пехотинцы продолжали донашивать старые шинели, находившиеся на складах.

К концу Империи Наполеона Бонапарта регламенты, утвержденные еще при монархии Бурбонов, были практически забыты. Произошло много изменений в обмундировании войск без всякого утверждения сверху. К 1809-1811 гг. не осталось ни образцов сукна, ни выкроек, к которым можно было бы обратиться для пошива обмундирования и экипировки войск. Поэтому в 1811 г. была создана специальная комиссия для упорядочения униформы французской армии. Один из членов комиссии, гвардейский полковник Этьен-Александр Барден представил свой вариант регламента, утвержденный декретом Императора 19 января 1812 г. Наряду с массой деталей обмундирования и экипировки, Барден предложил, впервые во Франции, единую шинель для рядового состава армии. Ниже приводится описание этого образца по тексту, приведенному в работе Линара, хотя, конечно, следует учитывать, что на практике точное соблюдение уставных размеров соблюдалось далеко не всегда.

Шинель: суконная с крутыми обшлагами, воротник и погоны основного цвета; застегивается на груди на 5 обтянутых сукном 22-х мм пуговиц; низ шинели обрезается на расстоянии 324 мм (12 парижских дюймов) от пола, разрез сзади – 202,5 мм (7,5 дюймов). В центре спины и вдоль швов два больших клапана карманов с обтянутыми пуговицами по краям; два хлястика пришиты горизон-

тально на уровне верхней пуговицы клапанов карманов – на одном пуговице, на другом петля. С левой стороны подкладки борта шинели делался горизонтальный карман. Внизу каждой полы шинели – петли под углом 45° для пристегивания на походе к нижним пуговицам клапанов карманов. Прямые погоны, скругленные у плеча, из двойного слоя сукна. Пуговицы и петли расположены так, чтобы солдат мог застегивать шинель как на правую, так и на левую стороны (на изучаемый исторический период еще не существовало различия в застегивании на так называемые «женскую» и «мужскую» стороны). Хлястики по регламенту прямоугольные со скруглением у пуговицы, однако на рисунках Карла Верие, сопровождавших официальный текст регламента, они изображены в форме погона с «трилистником» на конце.

Обтянутые сукном пуговицы могли заменяться на деревянные, костяные, роговые или просто на произвольные гражданские образцы или деревянные палочки-костыльки. Крайне редко нашивались большие мундирные пуговицы с номером полка. Официальный текст регламента ничего не говорит о том, что эполеты гренадер пристегивались обтянутыми пуговицами к плечам шинели. Возможное объяснение этому – логичность данной ситуации. Единый цвет шинелей также оговаривался в регламенте – бежевый. Но зачастую шинели шились из серого сукна различных оттенков – от стального до темно-серого. Вероятно, что в первое время новые шинели носили, наряду со старыми шинелями-пальто произвольных образцов, изготовленных в 1809-1811 гг. В 1813-1814 гг. шинели также не всегда были регламентированного цвета, и ткань могла быть синеватой, голубой, темно-синей, коричневатой или ближе к цвету охры. Единственным условием было сохранение единого цвета в минимальном подразделении – роте. В декабре 1813 г. Наполеон официально разрешил «шить шинели из сукна всех цветов и любых образцов». К концу Империи солдаты наперышка стали носить и гражданские пальто произвольных

Христиан Генрих Гейслер.
Лейпциг. 1806 г.
На гравюре изображено подразделение легкой пехоты после получения продовольствия. Хорошо показано цветовое разнообразие шинелей даже в рамках одной французской части

Pl. 224

Troupes Françaises.

J. Martinet del. Paris chez Martinet, Libraire rue du Coq N° 13 et 15.

INFANTERIE DE LIGNE EN CAMPAGNE.

Sentinelle

цветов и покровов, как это было 20 лет назад во времена Республики.

По моде австрийской пехоты, нашивавшей на воротники шинелей фигурные клапаны из приборного сукна, французская линейная пехота приблизительно с 1809 г. стала применять аналогичные украшения, но из алого сукна, иногда с мундирной пуговицей посередине. На многих изображениях, сделанных в 1813-1814 гг., имеются подобные украшения шинелей (Дитон, Бейер, Хильпер, Бото). Поскольку на воротнике шинели не полагалось крючков для застегивания, солдаты из обрезков шинельного сукна часто вырезали специальные клапаны в форме уменьшенного мундирного погона, пришитого

одной стороной к воротнику, и застегивавшегося на пуговицу с другой стороны.

В Испании шинели обр. 1812 г. скорее всего вообще не появились, а солдаты получали шинели сшитые из местной коричневой или белой шерстяной ткани (такие шинели изображены в манускрипте Сен Клера, у Дениса Дитона, числятся среди трофеев шотландцев после сражения при Вимейро), причем по местной моде они были гораздо длиннее уставных и доходили почти до щиколоток. Не исключено ношение французскими пехотинцами серых трофейных английских шинелей, внешне отличавшихся от «континентальных» наличием плечевой линии до локтя. Интересно, что шинели сержантов

британской пехоты отличались от образцов рядовых воротниками и обшлагами цвета приборного полкового сукна.

15 декабря 1813 г. специальным циркуляром для шитья шинели вместо небеленого сукна разрешили использовать небеленую караю или даже белое сукно с добавлением синей шерсти (использовавшееся для пошива плащей и шинелей тяжелой кавалерии). Возможно, что из экономии материала в 1813 г. шинели стали делать короче, чем в 1812 г., однобортными и менее просторными, что хорошо представлено на гравюрах Леопольда Бейера и в манускрипте Мейсонье. Хотя на современных гравюрах можно встретить и уставные шинели обр. 1812 г.

Что касается подразделений Старой Гвардии, то впервые гренадерам выдали шинели в декабре 1804 г., то есть за два года до их официального признания в качестве уставной верхней одежды для остальной армии. Сохранившиеся образцы пошива из темно-синего сукна, двубортные и застегиваются на латунные пуговицы гвардейского образца, по 8 штук в каждом ряду; сзади шинели два клапана кармана (по две пуговицы на каждом) и хлястик из двух деталей, застегивающийся на пуговицу; на каждом обшлаге по две маленькие пуговицы. Гренадеры Старой Гвардии, начиная примерно с 1809 г., стали нашивать на воротники шинелей алую выпушку. Эполеты на шинелях

Аарон Мартин. Гренадер линейной пехоты в 1809-1813 гг. Не исключено, что данная однобортная шинель с алым воротником и латунными пуговицами — трофейный русский образец. Также представляют интерес зеленый чехол султана (султан в чехле носился, как правило, привязанным к тесачным ножам) и белые гетры, обычно носившиеся только летом.

Карл Верне. Фузилеры в 1812-13 гг.

Несмотря на белую фурнитуру киверов, соответствующую легкой пехоте, мундиры под шинелями указывают на линейную.

Наибольший интерес представляют погоны шинели с суконными контр-погончиками (возможно, для унификации с шинелями гренадер, пристегивавших свои эполеты к шинелям с помощью контр-погон), отсутствие крючков на воротнике и оригинальный хлястик, отличающийся от уставного образца.

Обратите внимание, что шинель застегнута на т.н. «женскую» сторону

аналогичны эполетам на мундирах, крепятся с помощью латунных контр-погон и маленькой пуговицы. Голландские гренадеры (3-й гренадерский полк) в 1806-1809 гг. продолжали носить свои темно-голубые шинели, выданные им еще в королевской голландской армии. Этот же цвет был подтвержден декретом в апреле 1811 г. Гвардейские егеря получили шинели лишь в декабре 1805 г. Они аналогичны гренадерским образцам, за исключением соответствующих подразделениям эполет.

В 1813-1815 гг. на воротниках и обшлагах всех гвардейских шинелей появилась красная выпушка, как у гренадер Старой Гвардии. По нашему мнению, это было сделано для того, чтобы на расстоянии отличать гвардейские

части (выпушки были и на шинелях гвардейских артиллеристов) от армейских частей, которые к этому времени могли носить любые варианты расцветок верхней одежды. Достаточно упомянуть полки, сформированные из персонала морской артиллерии, которым также полагались темно-синие шинели.

Вопреки бытующему мнению, во французской Гвардии позволялись различные «вольности» в обмундировании и следование общегвардейской моде. Это и выпушки алого цвета на воротниках и обшлагах, которые встречаются на сохранившихся образцах. Это и алые зубчатые клапаны с белыми выпушками и пуговицей по центру. Наиболее экзотична шинель у рядового Молодой Гвардии в Испании в 1810-1811 гг., изображенного в манускрипте Эл Гила – коричневая однобортная шинель с алой выпушкой по борту, обшлагам, погонам, а также с узкими прямоугольными алыми клапанами на воротнике. Такие клапаны, по всей видимости, были модны именно в Испании, т.к. имеются аналогичные изображения и у других частей (гренадер 45-го полка у Дитона в 1814 г.), а на европейском театре военных действий не встречаются.

Несмотря на лучшее, нежели в армии, снабжение, солдаты Гвардии иногда оказывались перед необходимостью самостоятельного изготовления верхней одежды. Примером тому могут служить зеленые шинели некото-

рых солдат полка фузилер-гренадер Императорской Гвардии, сшитые ими в Москве в 1812 г. из бильярдного сукна (по воспоминаниям сержанта этого полка Бургона). Из-за отсутствия необходимого количества верхней одежды нужного цвета даже в Гвардии применялись нестандартные цвета. Согласно манускрипту Гамбурга, гвардейские Моряки вместо уставных темно-синих образцов носили шинели стального серого цвета. С другой стороны, возможно, что этот цвет появился не случайно, т.к. перевязи моряков были не белыми, а черными, и были бы совершенно не заметны на темно-синих шинелях гвардейского типа.

Альбрехт Адам. Фузилер-гренадер императорской Гвардии, 1812 г.
На пехотинце однобортная (?) шинель длиной до колена. На голову под кивер в чехле поддет платок или шарф. Необычно, что на солдате не походные панталоны, а парадные, убранные в гетры

Раскрашенная анонимная гравюра. Испания, 1809-1813 гг. На гравюре гренадер линейной пехоты изображен в походной форме. Белая шинель украшена голубым воротником и красными эпюлетами. Интересно, что борт застегнут до самого низа на белые обтяжные или костяные пуговицы

Леопольд Бейер. 1813 г.
Изображения солдат французской армии, сделанные с натуры в Саксонии. Как видите, реальный облик пехотинцев был далек от любых регламентов

Реконструкция шинели
на основе текста регламента 1812 г.

художник Павел Алексин

В заключение нужно отметить, что к концу Империи шинель стала основной одеждой не только для армейских частей, но и для подразделений Гвардии. Например, гренатеры Старой Гвардии при Ватерлоо, вопреки расхожему мнению, сражались в шинелях, а по мнению историка Лашука и Молодая Гвардия в этой битве вряд ли носила мундиры. Во всяком случае, ее полки видели на марше перед боем в серо-голубых шинелях. Поскольку с утра шел дождь, то вряд ли солдаты стали бы переодеваться в парадную форму, пусть даже и сухую...

Библиография:

1. Военная энциклопедия. 1904, № 4.
2. Buisson E.-L. Les uniformes du Premier Empire. L'infanterie de ligne et l'infanterie légère. Paris, 1979.
3. Brunon R. Le Musée de l'Empire. Salon de Provence, 1983.
4. Coppens B., Courville P., Petard M., Lortie D. Les uniformes des guerres napoléoniennes. Q., 1997.
5. Coppens B. Les Armées de Waterloo 1815. B., 1999.
6. Correspondance de Napoleon. T. 26. № 21046.
7. Dempsey G.C. Napoleon's army 1807-1814, as depicted in the prints of Aaron Martinet. SL, 1997.
8. Dempsey G.C. Napoleon's soldiers. The Grand Army of 1807 as depicted in the paintings of the Otto manuscript. London, 1995.
9. Haythornthwaite Ph. J. Uniforms of Peninsular war 1808-1814. London, 1974.
10. Lienhart, H. Les uniformes de l'armée française depuis 1690 jusqu'à nos jours. Leipzig, 1898.
11. Malibran. Representation des uniformes de l'armée française de 1700 à 1860. Paris, 1910.
12. Pigeard A. Agenda des batailles de Napoleon 1805-1815. Paris, 1998.
13. Pigeard A. L'Album du Bourgeois de Hambourg. Paris, 1998.
14. Pigeard A. L'infanterie napoléonienne 1791-1815. Paris, 2001.
15. Pigeard A. Les manuscrits de Berka, Brunswick et Zimmermann. Paris, 1998.
16. Vernet C. Uniformes Napoléoniens. Paris, 2001.
17. Windrow M. Uniforms of Peninsular war 1808-1814. London, 1974.
18. Willing P. Napoleon et ses soldats. De Wagram à Waterloo (1809-1815). Paris, 1986-1987.

Плакшеты: Rigo, L. Rousselot, B. Coppens, Girbal.

Периодические издания: Tradition magazine, Tradition, Military modelling, First Empire, Uniforms, Zeitschrift für Heerskunde, Carnet de La Sabretache.

ВОЕННЫЕ КОРПУСА ГРАЖДАНСКОГО ВЕДОМСТВА

Мундиры 1855-1867 гг.

Сергей ПОПОВ, Леонид ШЕПЕЛЁВ

Одной из первых реформ императора Александра II стало общее изменение форменной одежды. Уже 12.III.1855 г., менее чем через месяц после вступления на престол, им был утвержден указ «О изменениях в форме одежды генералов, штаб и обер-офицеров и гражданских чиновников Военного ведомства»¹, а вскоре аналогичные перемены последовали и в инженерных корпусах: Путьском, Горном, Лесном и Межевом².

Наиболее заметным новшеством стала замена мундиров фрачного покроя двубортными полукафтанами с цельной, но несколько укороченной юбкой. Парадные корпусные («инженерные») полукафтаны шились из темно-зеленого сукна, на черной подкладке, с шестью серебряными пуговицами по бортам. Закругленный спереди воротник и прямые разрезы обшлага (без клапанов) во всех корпусах были положены черные, бархатные. Вокруг воротника, вдоль бортов, по обшлагам и вертикальным карманам клапанам располагались выпушки корпусных цветов. В Корпусе инженеров путей сообщения выпушки сохраняли светло-зеленый цвет, в Горном и Межевом – светло-синий, а Корпусу лесничих были присвоены малиновые выпушки. Телеграфическое управление, по-прежнему подведомственное Корпусу инженеров путей сообщения, вместо прежних светло-синих выпушек получило голубые.

В Путьском и Горном корпусах офицеры общего штата сохранили шитые в виде прямых серебряных петлиц, но на обшлагах петлицы теперь располагались вертикально, по две, без пуговиц. Такие же петлицы получили и офицеры Корпуса лесничих. В Межевом корпусе было сохранено шитые с «цепным» бордюром: у межевых инженеров с прежними узорчатыми петлицами, а у топографов – без петлиц. Офицерам военно-рабочих рот путей сообщения и арестантских рот гражданского ведомства полагались такие же полукафтаны, как у путейских офицеров, но с суконными воротником и обшлагами, без шитых. Офицерам школы и рот межевых топографов также были положены суконные воротник и обшлага, но с «цепным» бордюром.

Офицеры институтов всех четырех корпусов вместо корпусного шитого на полукафтанах носили военно-учебное («плетенку»), такое же, как прежде, но более узкое и «менее сплошное». Во всех случаях, когда цвет воротников и общий узор шития не был изменен, разрешалось на полукафтанах донашивать прежние шитые воротники, «оставляя один только нижний крючок для застегивания».

Для повседневного ношения был введен виц-полукафтан, такой же, как парадный, но без шития. Он заменил отмененные вице-мундир и сюртук. При полукафтани и виц-полукафтани полагалось носить темно-зеленые шаровары с цветной выпушкой, шарф новой формы («кушаком, без кистей») и каску прежнего образца, с черным волосным султаном и серебряным армейским гербом, в щите которого располагались позолоченные буквы: «П.С.», «Г.К.», «К.Л.» или «М.К.». Офицеры Телеграфического управления сохранили каску с белым султаном и гренадой вместо бука.

В институтах корпусов каски по-прежнему украшались военно-учебным гербом («полу-солнцем»). Чинам путейских военно-рабочих и арестантских рот в мае 1855 г. были присвоены кивера стрелкового образца, с помпоном и арматурой по специальности³. Пуговицы во всех частях сохранялись прежние, лишь в Корпусе лесничих были введены новые, с гренадой вместо герба.

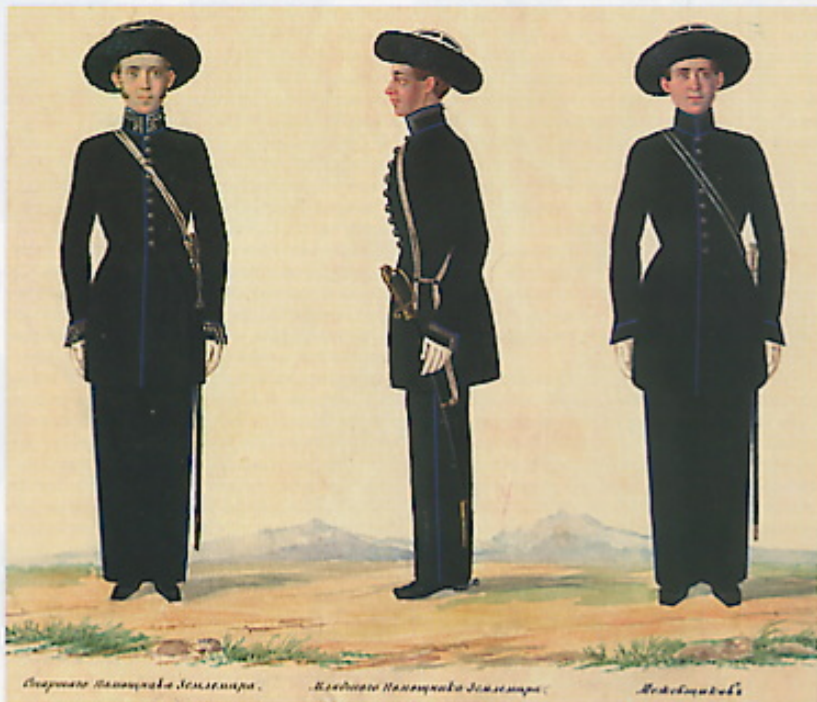
Для генералов всех корпусов, наряду с общими («инженерными») полукафтанами, были введены парадные полукафтаны особо-

Форма обмундирования гражданских чинов Межевого ведомства на Кавказе. Копия образцового рисунка, Высочайше утвержденного 20.VI.1851 г. (Из частной коллекции). Старший и младший помощники землемера, межевщик

В очерках, посвященных ранним мундирам Путьского и Горного корпусов («Цейхгауз» №№ 12, 13), упоминалось о введении в 1850 г. формы особого покроя для чинов, служивших на Кавказе. Сведения о такой форме в Лесном и Межевом корпусах мы не имели, пока не был обнаружен публикуемый здесь рисунок. Нет сомнения, что подобную же форму, только с «военным прибором», носили и воинские чины Межевого корпуса на Кавказе – межевые инженеры и топографы.

Интересно отметить, что хотя мл. землемерному помощнику полагался «по воротнику только один кант, без цепи» (см. «Цейхгауз» № 15) на рисунке вместо шития мы видим унтер-офицерский галуз, причем не только на воротнике, но и на обшлагах.

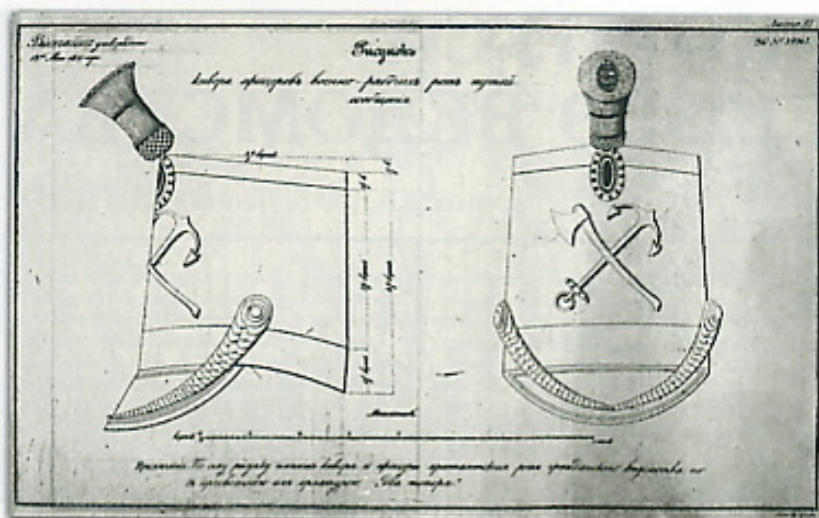
В 1855 г., чинам всех корпусов, носившим форму кавказского покроя, было предписано полукафтаны иметь двубортные, с закругленным воротником и разрезными обшлагами без клапанов, а на пахах спереди к меху прикрепить кокарду.

Старший Помощник Землемера.

Младший Помощник Землемера.

Межевщик

Кивер для офицеров военно-рабочих рот путей сообщения. Рисунок к указу от 28.V.1855 г. (ПСЗ-II, № 29367). Такие же кивера, но со скрещенными топорами, полагались и офицерам арестантских рот. Нижние чины имели на киверах кокарду солдатского образца, подбородный ремень без чешуи и шерстяной помпон; у унтер-офицеров — из белых и зеленых секторов, у рядовых — полностью зеленый

го покрою: двубортные на 8 пуговиц, со скошенными (имею закругленными) воротничками и с суконными клапанами на обшлагах. Цвет этих полукафтанных был такой же, как и обшлага корпусных, а обшлагные клапаны имели цвет выпушек (лишь в Межевом корпусе — черные). На воротнике, обшлагах, обшлагных и карманных клапанах полагалось серебряное общегенеральское шитье. На пуговицах изображался государственный герб (в Корпусе горных инженеров — с «двумя под оным молотами», для большего отличия от Межевого корпуса). Каски генералов имели дополнительные украшения: «на чешуях коронки, а по краям ражков металлической накладки вытисненные матовые лавровые листочки». Позолоченная корона (вместо букв) располагалась и в шите герба. Султан полагался не волосной, а из черных «лапушковых» перьев. Парадные шаровары имели лампасы из серебряного галуна, с цветным просветом посередине.

Как уже ясно из вышеизложенного, наибольшим изменениям подверглась форма Корпуса лесничих. Если прочие корпуса в целом сохранили свои приборные цвета и атрибутику, то лесной мундир утратил как прежний зеленый цвет отделки, так и традиционное «хвойно-дубовое» шитье, а также и кивера, и гербовые пуговицы. В связи со значительным изменением формы Корпуса лесничих три рисунка, изображающие офицеров

корпуса и нижних чинов Лесной стражи в новой форме, а также воротник и обшлаг офицерского полукафтана, были опубликованы в Полном собрании законов⁵.

Объездчики и стрелки Лесной стражи, так же, как и офицеры-лесничие, получили двубортные полукафтаны на 6 пуговиц, с закругленным воротником черного сукна, малиновыми выпушками и потонами. Им также «впредь до отмены» полагался кивер «по новому образцу армейских ескадр, без помпона», с бляхой прежней формы и солдатской кокардой, патронница новой формы на ремне через плечо и черная полусная португеза для тесака, с медной вороненой бляхой и лопастью. На пуговицах вместо номеров губерний теперь числилась гренда. Для кивера предусматривался черный чехол с буквами «КЛ», написанными желтой краской. «Военно-лесные сторожа, определяемые из оставших и беспрочно-отпускных нижних чинов», оставались по-прежнему «при одном штильном обмундировании».

Гражданские и медицинские чиновники Корпусов путей сообщения, горных инженеров и Межевого, носившие мундиры военного покрою, получили двубортные полукафтаны тех же образцов, что и офицеры этих корпусов, но без «военного прибора», т.е. без эполет и шарфов, а также каски без султанов. Серебряное шитье, которое они имели на прежних мундирах, предписывалось сохранить и на полукафтанах, применяясь к новой форме воротничков и обшлаг без клапанов. Разделение шитья по разрядам должностей также сохранялось. В Корпусе горных инженеров чиновникам 1-го (генеральского) разряда полукафтан был положен на 8 пуговиц, со скошенным воротником и витыми канительными потонами, но без клапанов на обшлагах; парадные шаровары им полагались такие же, как у военных генералов корпуса; каска (для состоящих в чинах 4-го класса и выше) была тоже генеральская, но без султана. Особым указом от 30.IV.1855 г.⁶ чиновникам и медикам путейского ведомства, носившим обмундирование военного покрою, вместо прежних гладких пуговиц были присвоены пуговицы с якорем и топором (чиновники прочих корпусов имели арматурные пуговицы и ранее).

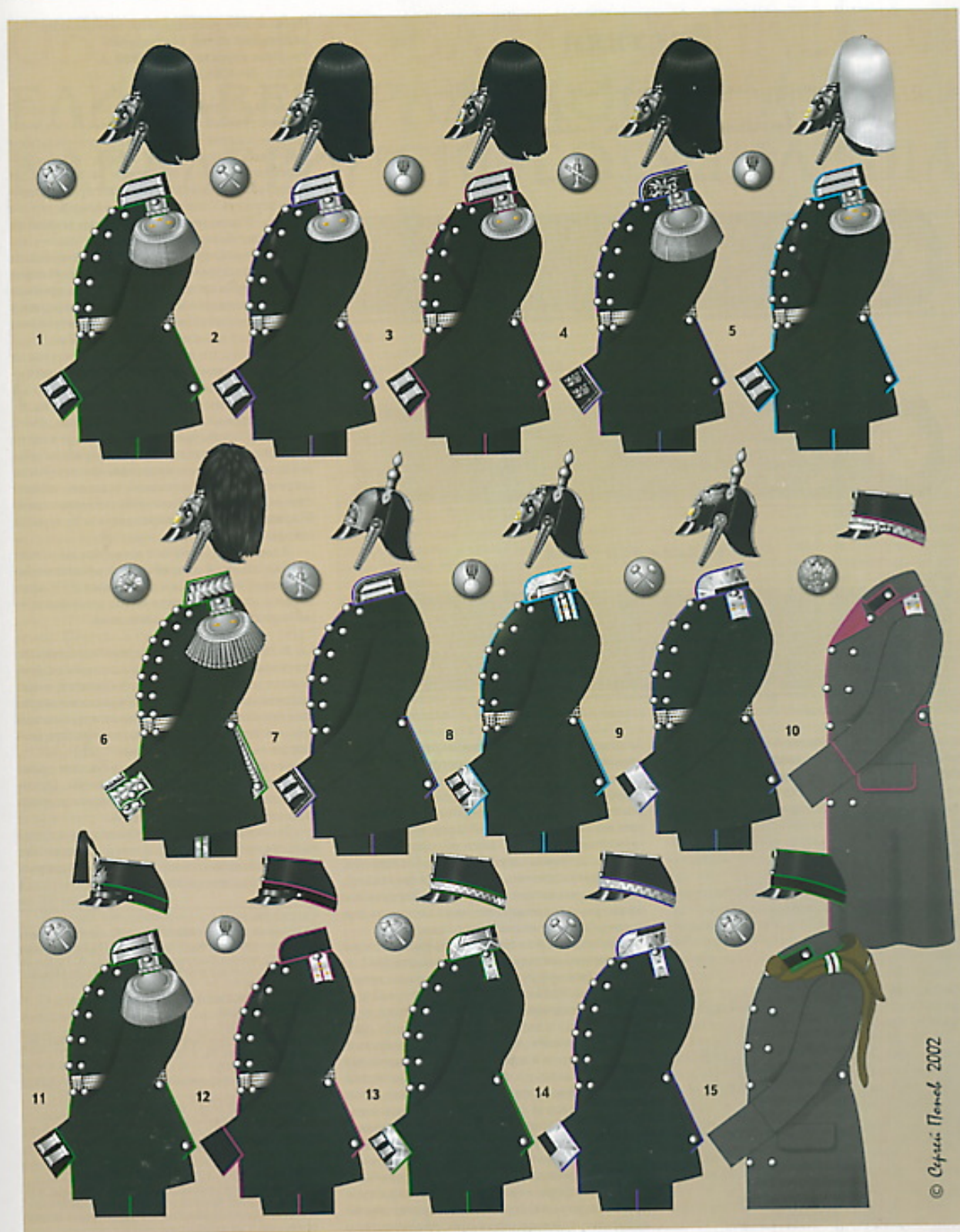
26.V.1855 г.⁵ форма обмундирования военных чинов путейского ведомства, а затем и прочих корпусов была дополнена двубортным серым плащом-пальто (по образцу введенных в армии), имеющим отложной воротник с клапанами черного бархата (с цветной выпушкой и пуговицей) и галузные погоны на плечах (со звездочками по чинам). Генеральские плащи имели цветную (по корпусам) подкладку бортов и пол и тех же цветов выпушки. В конце года такие же погоны, как на плащах, были введены и на виц-полукафтанах (вместо эполет).⁶

9.XII.1855 г. Александр II распорядился, чтобы впредь «в случае изменения формы обмундирования... чинов военного ведомства» (в том числе и «гражданских чинов») аналогичные преобразования сначала проводились в ведомстве путей сообщения, а затем, «не исправившая на то особого высочайшего повеления», в других корпусах гражданских ведомств, «сообразно той форме, какая будет установлена для ведомства путей сообщения»⁷.

Через год это распоряжение было реализовано в связи с новыми изменениями (на основании закона от 27.XII.1856 г.) в форме обмундирования генералов, офицеров и гражданских чиновников Корпуса инженеров путей сообщения⁸. Инженерный полукафтан генералов отменялся; воротник и обшлага виц-полукафтана было предписано обшить широким галуном генеральского узора. У офицеров вместо парадного и виц-полукафтана оставался только один, с заменой эполет потонами. На воротнике мундира штаб-офицеров полагался

1. Штаб-офицер Корпуса инженеров путей сообщения. 1855-57
2. Обер-офицер Корпуса горных инженеров. 1855-57
3. Обер-офицер Корпуса лесничих. 1855-57
4. Штаб-офицер (межевой инженер) Межевого корпуса. 1855-57
5. Обер-офицер Телеграфического управления. 1855-57
6. Генерал Корпуса инженеров путей сообщения (в парадном полукафтоне). 1855-57
7. Младший учитель Константиновского межевого института (в полукафтоне с шитьем 2-го разряда). 1855-57
8. Штаб-офицер Телеграфического управления (в обыкновенной форме). 1856-57
9. Генерал Корпуса горных инженеров (в обыкновенной форме). 1857-62
10. Генерал Корпуса лесничих (в плаще-пальто). 1862-67
11. Штаб-офицер Корпуса инженеров путей сообщения (в парадной форме). 1862-67
12. Обер-офицер Корпуса лесничих (в сюртуке). 1862-67
13. Чиновник V класса (статский советник) Корпуса инженеров путей сообщения. 1863-67
14. Чиновник II-IV классов Корпуса горных инженеров. 1863-67
15. Чиновник IX-XIV классов Корпуса инженеров путей сообщения (в плаще-пальто). 1863-67

⁵ В первоначальном положении офицерам рот путейского ведомства предписывалось сохранить «без изменения» каски, что следует считать ошибкой, т.к. до 1855 г. в этих ротах носили не каску, а кивер флотского образца (см. «Цейхгауз» № 12).

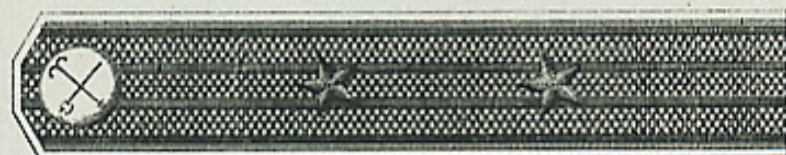
Рисунки

погоны для гражданских чиновников
ведомства путей сообщения.

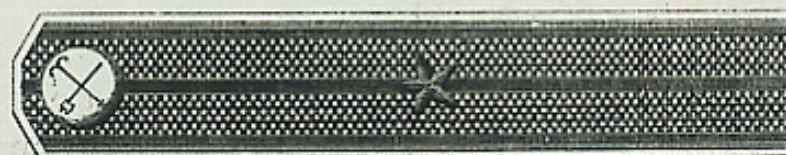
№1, для первых 5^{ти} классов.

№2, для 6, 7 и 8^{ми} классов.

№3, для 9, 10, 11 и 12^{ми} классов.

серебряный галуз с галузой (вместо вышитой) петлицей под ним с каждой стороны (на обшлагах – по две петлицы); обер-офицеры на воротнике имели по две галузные петлицы с каждой стороны. «Эполеты вовсе отменялись», но спустя три месяца велено было носить их «по прежнему» по правилам военного ведомства. Предусматривалась возможность пристегивания эполет на погоны. Полукафтан с вышитыми петлицами и виц-полукафтан гражданских чинов «заменились одним полукафтаном такого же покроя, на воротнике и обшлагах коего нашиваются серебряные галузы и петлицы одного образца с принятыми в военном ведомстве» (без погон). Отметим, что у гражданских чиновников генеральский и штаб-офицерский галуз на воротнике располагался не по верхнему краю, как у военных, а по нижнему.

Летом 1857 г. во всех корпусах, вслед за военным ведомством, было предписано иметь на касках «и на всех вообще предметах» амуниции государственный герб нового образца: «с поднятыми вверх крыльями» у двуглавого орла¹. Щиток под гербом приобрел новую форму, близкую к треугольной.

Весной 1858 г. по краю отложного воротника офицерских плащей была введена цветная выпушка².

7.II.1859 г. было предписано полукафтан и виц-полукафтан именовать отныне соот-

ветственно мундиром и вицмундиром. В дополнение к ним генералы корпусов получили сюртук гвардейского образца: двубортный на 6 пуговиц, без выпушки по борту, с закругленным воротником, с погонами³. Офицерам же (5.XI.1859 г.) было разрешено «при служебных занятиях» носить сюртук, «совершенно... сходный» с мундиром, но без галузов. Этот сюртук носился без эполет, с фуражкой. 7.I.1861 г. аналогичные сюртуки получили все офицеры и гражданские чины корпусов для ношения с эполетами и погонами⁴.

Заметным изменением формы одежды всех корпусов стало введение в марте 1862 г. «шапки вновь утвержденного образца» (кепи), которая заменяла каску, папаху и фуражку⁵. Шапка имела черную суконную тулью, черный околыш с выпушками корпусных цветов и черный же лакированный козырек. У обер-офицеров и нижних чинов по верхнему краю полагалась цветная суконная выпушка, а у штаб-офицеров и генералов – окантовка из серебряного (с черным и оранжевым шелком) шнура. Офицеры при парадной, праздничной и воскресной формах носили на шапках герб прежнего образца (без щитка), металлическую кокарду и султан. При обыкновенной форме (а гражданским чинам – при всех формах) герба и султана не полагалось; спереди на шапке крепилась только

Погоны для гражданских чиновников
ведомства путей сообщения.
Рисунок к указу от 4.X.1863 г.
(ПСЗ-II, № 40093).

кокарда и петлица с пуговицей. Кепи военных и статских чинов I-IV классов обшивались по околышу серебряным генеральским галузом, а чиновников V класса – штаб-офицерским галузом (с гусарским зигзагом). При представлении начальству кепи предписывалось держать «левой рукой за козырек верхом вперед». В холодную погоду шапки эти могли носиться с башлыками.

Около этого же времени были отменены галузы на воротнике и обшлагах штаб-офицерских мундиров. Взамен им было предписано иметь двойные галузные петлицы, как у обер-офицеров, «с тем, чтобы чины отличались только эполетами и погонами».

В апреле того же года «плечевые жгуты на мундирах и сюртуках» гражданских чиновников и медиков первых пяти классов были заменены узкими (1,5 см) погончиками из галузы «генеральского узора»⁶. А осенью 1863 г. «для точного обозначения чинов» на эти погоны были добавлены «вышитые серебром звездочки»; чины же нижних классов получили «погоны из черной шелковой тесьмы», затканые серебром, с просветами и звездочками. Ширина погон устанавливалась в $\frac{3}{8}$ вершка (около 3 см)⁷.

В мае 1864 г. стоячий воротник на шинелях был заменен отложным, «совершенно одинаковым с воротником на плащах»⁸. У офицеров и классных чиновников в зимнее время воротник мог быть меховым.

В 1864 г., при рассмотрении в Государственном совете нового положения об Институте инженеров путей сообщения, военный министр Д.А.Милютин «высказался против оставления военных чинов в путейском ведомстве». Мнение военного министра «получило высочайшее одобрение»⁹. 22.IV.1867 г. все четыре военных корпуса в составе гражданских ведомств были упразднены. Одновременно упразднилось и «военное устройство» телеграфного ведомства.

Бывшие офицеры получили статус гражданских чинов, а вместе с тем и гражданские мундиры военного покроя. Об этом будет рассказано в нашем следующем очерке.

¹ ПСЗ-II, № 29121.

² ПСЗ-II, № 29139 и 29140 (17.III.1855) – по Корпусу инженеров путей сообщения, № 29158 (25.III.1855) – по Корпусу горных инженеров, № 29208 (11.IV.1855) – по Корпусу лесовичих и № 29271 (1.V.1855) – по Межевому корпусу.

³ ПСЗ-II, Ч. 30. Отд. 2. Рис. № 38-40.

⁴ ПСЗ-II, № 29270.

⁵ Там же, № 29362.

⁶ Приказ по Корпусу горных инженеров от 2.II.1856 г., №1.

⁷ РГИА, ф. 37, оп. 52, л. 2213, л. 29.

⁸ ПСЗ-II, № 31317.

⁹ Приказ по Корпусу горных инженеров от 10.VIII.1857 г., № 21.

¹⁰ Там же, от 5.VI.1858 г., № 16.

¹¹ Там же, от 7.II.1859 г., № 5.

¹² Там же, от 2.II.1861 г., № 3.

¹³ ПСЗ-II, № 38054 (15.II.1862).

¹⁴ Там же, № 38162 (12.IV.1862).

¹⁵ Там же, № 40093 (4.X.1863).

¹⁶ Приказ по Корпусу горных инженеров от 23.V.1864 г., №10.

¹⁷ А.М.Лоранский. Краткий исторический очерк административных учреждений горного ведомства в России. 1700-1900. СПб., 1900. С. 89.

ОБМУНДИРОВАНИЕ ЮНКЕРОВ ЕЛИСАВЕТГРАДСКОГО КАВАЛЕРИЙСКОГО УЧИЛИЩА

Виктор ПЕТРАКОВ

В «Цейхгаузе» № 15 мы рассказали о жетонах и нагрудных знаках «славной южной школы» — Елисаветградского кавалерийского училища. В этой статье мы подробнее остановимся на обмундировании юнкеров, а также на некоторых особенностях их внешнего вида и неписанных правилах поведения.

Основанные в 1861 г. Елисаветградское и Тверское кавалерийские юнкерские училища первые три десятилетия не имели специальной формы одежды для своих юнкеров. Связано это было со статусом этих военно-учебных заведений, которые, в отличие от привилегированного столичного Николаевского кавалерийского училища, были ориентированы на «доставление низшим чинам из регулярных войск и урядников из дворян и обер-офицерских детей иррегулярных войск научного и строевого образования, необходимого для офицера». В училища принимались вольноопределяющиеся кавалерийских полков, уже прослужившие, как правило, 1-2 года и сдавшие вступительный экзамен. Обычно их возраст составлял 18-20 лет, хотя попадались и более взрослые «ветераны». Юнкера учились два года и после успешной сдачи офицерского экзамена возвращались в свои полки эстандарт-юнкерами. Затем по представлению полкового начальства они производились в офицеры.

Перед поступлением в училище каждый юнкер вносил в казну своего полка денежный реверс. Эти деньги хранились при полку, принадлежали тому, кто их внес, и обеспечивали оплату офицерского обмундирования при производстве юнкера в офицеры. Соответственно размер реверса, определявший командиром полка, зависел от стоимости обмундирования, и в разных полках составлял от 200 до 500 рублей.

В стенах училища юнкера носили форму своих полков. Единственным их отличием от прочих нижних чинов был узкий галуи, нашитый по свободным краям погон. Приказом по военному ведомству от 15 января 1874 г. № 29 для вольноопределяющихся ввели специальное отличие — бело-оранжево-черный шнур, также нашитый по краям погон. Причем позднее было специально разъяснено, что у юнкеров на погонах присутствуют и шнур, и галуи одновременно.

С 1874 г. ЕКЮУ было разделено на два эскадрона: 1-й для комплектования драгунских, а 2-й — для уланских и гусарских полков Киевского, Харьковского и Одесского военных округов. Кроме того, в 1876-86 гг. при училище действовал казачий отдел. Так что общий строй елисаветградских юнкеров представлял яркую многоцветную мозаику униформ. Однако качество их обмундирования долгое вре-

мя оставляло желать лучшего. Связано это было с несовершенной системой снабжения. По действовавшим правилам призывные в армию нижние чины уже ко второму году службы имели два казенных мундира, один из которых — самый новый («первого срока») хранился в цейхгаузе и выдавался для парадов. Но в правилах странным образом забыли упомянуть о выдаче дополнительных комплектов вольноопределяющимся.

В результате знаменитый теоретик и организатор военного образования П.О.Бобринский, изучивший юнкерские училища южной полосы России, в том числе и ЕКЮУ, в 1870 г. писал: «Немалой заботой в училищах служит обмундирование, которое вводит училища в большие хлопоты... Получив только один мундир, который должен прослужить два, три года, он [т.е. вольноопределяющийся — В.П.] должен быть в нем везде: на службе, в строю, на смотрях, в городе; в нем же он является и в училище. Мундир этот уже поношен, а другого достать негде... Поэтому-то одежда вольноопределяющихся так много отличается от одежды прочих нижних чинов, обязанных срочною службой; недостатки в одежде бывают так заметны, что полковое начальство затрудняется ставить вольноопределяющихся в строй для смотров высшего начальства. И вот, с такою-то поношенною, потертою одеждой вольноопределяющиеся являются в училище. Здесь уже каждый день приходится быть в мундире; а какое положение училищного начальства, не имеющего никаких средств исправить эту одежду? Заявляется только беспомощная переписка, и вопрос об обмундировании продолжает оставаться слабой стороной юнкерских училищ. Если окружное начальство принимало разные меры для улучшения обмундирования вольноопределяющихся, поступающих в училища, требуя исправного снаряжения и нового обмундирования, то эти меры не исправляли существенных затруднений; чаще эти требования отражались на самих вольноопределяющихся, которые, не имея возможности добыть второго мундира, отказываются от поступления в училище». Вскоре, во многом благодаря деятельности П.О.Бобринского, эта ситуация была исправлена.

Выпускник ЕКЮУ эстандарт-юнкер В.К.Фурман. Август 1894 г.
(Из частной коллекции)

По краям погон виден галуи и шнур вольноопределяющегося. Эстандарт-юнкерам, как и ваямистрам драгунских полков, полагалась фуражка с козырьком, на которую в южных округах летом надевался белый чехол. В данном случае очевидно, что В.К.Фурман имеет легкую белую фуражку, специально сшитую елисаветградскими мастерами

С воячением Александра III армейские уланы и гусарские полки 18 августа 1882 г. были переименованы в драгунские. Соответственно вся армейская кавалерия стала драгунской и 31 октября 1882 г. получила общее драгунское обмундирование. Тем не менее, строй училища продолжал представлять яркое зрелище. Выпускник ЕКЮУ 1894 г. В.К.Фурман позднее вспоминал: «В период прохождения курса в Училище юнкера числились в списках своих частей и носили поэтому полковую форму, имея на погонах лишь узкий юнкерский галуи. Несмотря на то, что в то время все без исключения полки армейской регулярной кавалерии были драгунскими, эскадроны юнкеров имели в строю довольно пестрый вид.

Дабы по возможности сгладить эту пестроту, в первый эскадрон зачислялись юнкера, имеющие на погонах, петлицах, околышах фуражек и верхушках парадных барашковых шапок (драгунки) — красное приборное сукно и цвета, приближающиеся к красному, т.е. краповый, малиновый, розовый. В первый эскадрон зачислялись и конно-артиллеристы и юнкера Крымского конного дивизиона (впоследствии полка).

Зато во 2-м эскадроне сгладить указанную пестроту цветом было совершенно невозможно. Рядом в строю стояли желтые, синие, белые, бирюзовые, коричневые. Во 2-м эскадроне были юнкера Осетинского конного дивизиона, носившие форму Кавказских казачьих частей (череску). Совершенно случайно в мое время во 2-м эскадроне был единственный военно-училищный юнкер Л.-Гв. Гродненского гусарского полка Ана-

*Высочайше утверждено:
Июня 17 дня 1896 г.*

*Рисунок формы обмундирования юнкеров военноучилищного курса
Елизаветградского кавалерийского юнкерского училища*

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ

формы обмундирования и снаряжения юнкеров военно-учебного курса Елизаветградского юнкерского училища.

Все предметы обмундирования и снаряжения описаны по установленным для кавалерии чинами армейской драгунской полков приказами по воен. вѣд. 1881 г. № 210, 1882 г. № 325, 1883 г. № 302, 1884 г. № 56 и 1889 г. № 14, 17 и 256. При этом:

Штанга—сухопутная алая, с черными барашковыми кланцами, герб бѣлый неаполитанский.

Фуражка—темно-зеленая, ошпиганная алой, выпушки по краям ошпиганы темно-зеленой, а по переднему краю—алай. Козырьки и козырьки по краям по косу, вѣд. 1882 г. № 325.

Мундир—темно-зеленый двубортный, безъ пуговицъ по борту. Бортовик—темно-зеленый съ алой по переднему краю выпушкой и съ алыми кланцами; на вышнѣ кланцы нашиваются по одной петлицы изъ бѣлой тесьмы. Обшлага—темно-зеленые, съ алой по переднему краю выпушкой и съ петлицей изъ бѣлой тесьмы. Погоны—алай. Бортовик и обшлага обшиваются серебряными галунами, шириною $\frac{1}{4}$ вер. Погоны обшиваются серебряными галунами, шириною $\frac{1}{4}$ вер. Пуговицы—сѣдые ошпиганы. Нашивки для различія звѣздъ существующаго образца для армейскихъ драгунскихъ полков—серебряныя (полустѣбчатого галуна) и бѣлой тесьмы.

Шаровары—сѣро-зеленые безъ выпушки.

Куртка—алай суконная, у юнкера—алай кашемирная.

Валь-куртка—такого же образца какъ мундиръ, но безъ галуновъ и безъ бѣлыхъ петлицъ.

Шпаль—изъ сѣраго швейцарскаго сукна, безъ выпушки по борту, кланцы на воротникѣ—алай съ темно-зеленой выпушкой. Погоны и пуговицы какъ при мундирѣ.

Перчатки, полскія рукава, тельня и кобуръ—бѣлой тельняной кожи существующаго кавалерійскаго образца.

Сюртукъ—изъ револьверу—алай.

Примечаніе. Новое снаряженіе посылается по образцу, установленному для кавалеріи чинами армейской кавалеріи (приказъ по воен. вѣд. 1885 г. № 65 и 1889 г. № 136 и 206). Вальтрагъ не посылается.

Полковникъ Изъ Тамбова Петербургъ, Генералъ-Лейбштатъ Кавалеріи.

Саркисъ Изъ Елизаветградскаго Тамбовскаго Кавалеріи Лейбштатъ.

Э. Плетцеръ

Елизаветградъ

толий Телегин, выделявшийся своею исключительностью, как известно, красивой формой»³.

В дополненіе къ этимъ воспоминаніямъ слѣдуетъ упомянуть, что въ 1888 г. Харьковскій военный округъ былъ упраздненъ съ передачей его 6 губерній Киевскому (4) и Московскому (2) округамъ. Зато все активней въ училище стали направляться юнкера изъ кавалерійскихъ и конныхъ полковъ Кавказскаго военного округа, что, естественно, только способствовало пестротѣ обмундирования. Кроме того, своей униформѣ юнкера пытались придать дополнительныя шикъ качествомъ ее изготовления. В.К.Фурманъ позднѣе вспоминалъ: «Кто не знаетъ братьевъ Музыкантовъ», славившихся мастерствомъ такъ шить всевозможные кавалерійскіе формы, что его знала вся русская гвардейская и армейская конница. Многие офицеры специально присажали въ Елизаветградъ изъ разныхъ, часто отдаленныхъ, концовъ Россіи, чтобы шить обмундированіе у Музыкантовыхъ. А кто не помнитъ юнкерскихъ сапожниковъ Бухгалтера и Таранцова, этихъ виртуозовъ по части шитья лакированныхъ и шелковыхъ юнкерскихъ сапогъ, гусарскихъ ботинокъ и ботинокъ. Кто не знаетъ шапошниковъ Барского и другихъ, украшавшихъ многие тысячи юнкеровъ головными уборами

всевозможныхъ цвѣтовъ и оттенков. А сѣдѣльный мастеръ Тресеръ, мало чѣмъ уступающій знаменитому петербургскому Вальтеру и Коху. Все эти лица въ теченіе ряда лѣтъ кормились и создавали себѣ огромные состоянія за счетъ Елизаветградскихъ юнкеровъ»⁴.

Какъ ловко вели дѣла елизаветградскіе поставщики, можно увидѣть на примѣре фуражечниковъ. До 1907 г. летняя форма юнкеровъ предусматривала на цвѣтной суконной фуражкѣ бѣлый чехолъ, целиком закрывающій тулью, околышъ и козырекъ. Но для удобства юнкера предпочитали заказывать себѣ легкіе бѣлые фуражки, которые съ замѣчательною точностью дѣлали местные умельцы. Однако въ достаточно пыльномъ Елизаветградѣ бѣлоснежный козырекъ и тулья быстро терли первоначальный цвѣтъ, и юнкерамъ приходилось снова и снова спешно заказывать новыя головные уборы, обогащая предприимчивыхъ фуражечниковъ.

Помимо парадной формы юнкеровъ, различной по полкамъ, существовала также внутриучилищная или, какъ сказали бы современныя языкомъ, повседневная одежда. На строевыхъ занятіяхъ юнкера ЕКЮУ носили одинаковыя темно-серыя гимнастерки съ погонами своихъ полковъ, при ремняхъ поясахъ (правда, одинъ учебный годъ — съ 1887 по 1888 — гимнастерки въ видѣ исключения были коричневаго цвѣта). Никакихъ отклоненій отъ формы въ теченіе учеб-

Краткое описание первой формы юнкеров ЕКЮУ, приложенное къ приказу по военному ведомству от 21 июня 1896 г. № 150

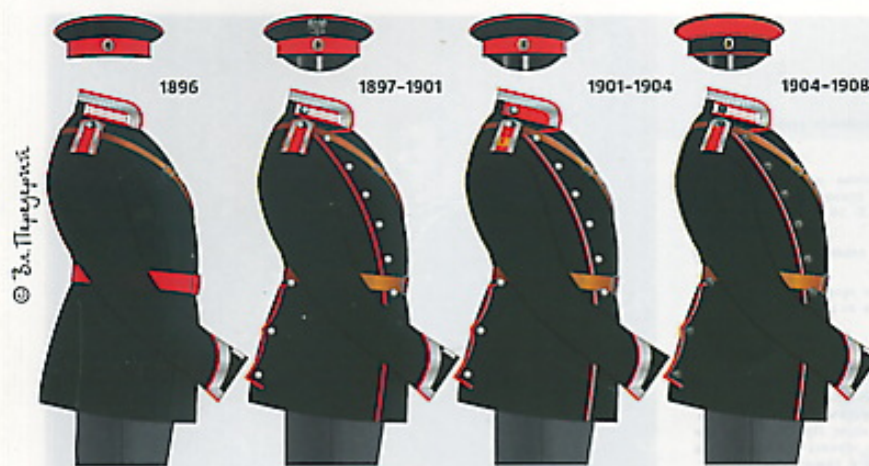
Юнкера ЕКУ в обыкновенной форме вне строя. 1904-1908 гг.

(Из коллекции А.Каращука)

В 1897-1901 гг. юнкера ЕКЮУ имели схожее обмундирование с незначительными отличиями: погоны были без темно-зеленой выпушки, пуговицы гладкие вместо гербовых, фуражки (до 1899 г. без козырька) имели тулью темно-зеленую с алой выпушкой, околыш алай с темно-зелеными выпушками по краям

ныхъ занятій не допускалось. Офицеры и портупей-юнкера (прозванные за поперечные нашивки на погонахъ «нашивочные») прилежно слѣдили, чтобы каждая пуговица была застѣгнута, одежда вычищена и опрятна, на обуви — ни пылинки. Юнкеръ, получившій разрѣшеніе на отпускъ, долженъ былъ быть одѣтымъ «с иголочки». Обязательнымъ элементомъ формы являлись собственные бѣлые замшевые перчатки. Сохранить ихъ бѣлизну было не просто. Но здѣсь на помощь юнкерамъ неизменно приходилъ инейнар Викторъ — бывшій взводный унтер-офицеръ Бутскаго полка, ветеранъ русско-турецкаго войны 1877-78 гг., служившій при училищѣ болѣе 30 лѣтъ. Только ему извѣ-

³ Полковникъ Фурманъ несколько искажилъ фамилію портныхъ. На самомъ дѣлѣ фамилія братьевъ была Музыкантские — В.П.

© В. П. Пугачев

ственным способом почтенный бородач отбеливал утратившие белоснежность перчатки, на чем зарабатывал сам, а заодно и экономил деньги юнкеров. Им уже не приходилось бесконечно заказывать и покупать новые перчатки. Вооружение юнкеров состояло из драгунской шапки и винтовки. Первоначально в ножнах шапки образца 1881 г. было предусмотрено гнездо для штыка, выдолбленное в деревянной части. Но с 1888 г. для облегчения ножен вместо деревянного гнезда были введены под штык два металлических кольца. Эскадронные вахмистры вместо винтовок имели револьверы. Все оружие выдавалось казенное.

При отправке в училище юнкер сдавал свою винтовку в полку, а, прибыв в Елисаветград, получал взамен училищную, которая при окончании учебы сдавалась. Если при осмотре оказывались разрывные и раковины, то за винтовку взимали ее стоимость (восемь рублей), и она становилась собственностью юнкера. Как говорили в этих случаях — «окончил с почетным оружием». Многие брали это «почетное оружие» домой, поскольку оно годилось для охоты. Кроме этого оружия в училище использовались пики обр. 1862 г., к которым в январе 1880 г. были установлены флюгера драгунского образца с желтыми косянками. Однако в 1883 г. пики сняли с вооружения.

Наконец, 17 июня 1896 г. для юнкеров военно-училищного курса ЕКЮУ была утверждена одинаковая форма одежды, объявленная приказом по военному ведомству от 21 июня 1896 г. № 150. Первая форма елисаветградцев устанавливалась по образцу армейских драгун, с алым прикладным суном, серебряным металлическим прибором и отличиями военных училищ. Правила ношения соответствовали принятым в драгунских полках (см. текст приказа на предыдущей странице).

Введение собственной формы по многим было обусловлено тем, что в соответствии с приказом по военному ведомству от 6 сентября 1896 г. № 225 в Елисаветградское училище с 1896/97 учебного года стали принимать не только вольноопределяющихся из полков, но и молодых людей со стороны. Такая практика началась еще в 1892 г., когда открылись 2 отделения с военно-училищным курсом. Но поступавшие в них кадеты и лица со средним образованием продолжали номинально зачисляться вольноопределяющимися в драгунские полки, приобретать и носить их форму. По новым же правилам такие лица посту-

Младший портупей-юнкер Кузик в летней походной форме. 15 июля 1905 г. (Из коллекции автора)

Кузик одет в белую полотняную рубашку обр. 1885 г. с пристяжными цветными погонами, которые полагалось носить на рубашках с 1896 г. На погонах две поперечные нашивки. Шапка драгунская обр. 1881/1888 г. со штыком, вставленным в кольца ножен. Шаровары серосиние без выпушки

пали юнкерами напрямую в училище без зачисления в полки и обмундировывались одинаково на казенный счет. Вольноопределяющиеся же продолжали носить полковую форму собственного приобретения. Исключение представляли лишь вольноопределяющиеся, имевшие право по своему образованию и происхождению на поступление в кадетские корпуса. Их также одевали за счет казны. Однако доля казенного обмундирования не должна была превышать $\frac{2}{3}$ наличного числа всех поступивших юнкеров. При выпуске из училища юнкерам, состоявшим на казенном обмундировании, выдавалось пособие на офицерское обмундирование — 225 рублей.

В таком виде форма юнкеров просуществовала недолго, поскольку уже 24 января 1897 г. был высочайше утвержден новый образец драгунского мундира — с двумя рядами гладких оловянных пуговиц на груди и пуговицей на каждом клапане воротника. Одновременно при этом мундире отменялось ношение алых кушаков (кроме вахмистров). 26 июня 1899 г. баранковую шапку для юнкеров военных округов, в том числе Одесского, к которому принадлежало ЕКЮУ, отменили совершенно. Вместо нее была установлена фуражка прежней расцветки, но с козырьком и государственным гербом на тулье.

После 1900 г., когда главным начальником военно-учебных заведений стал великий князь Константин Константинович, воспитанникам старших классов кадетских корпусов и юнкерам вышло некоторое «ослабление». Разрешено было курить, иметь карманные часы, носить усы, бороды и бакенбарды, а вскоре последовали новые изменения формы. 22 июля 1901 г. высочайше было утверждено новое описание обмундирования юнкеров ЕКЮУ⁶. Сразу отоваривалось, что «все предметы обмундирования и снаряжения одинаковые с установленными для нижних чинов армейских драгунских полков». Мундир полагался прежнего образца с алой выпушкой по воротнику, обшлагам, карманным клапанам и левому борту. Петлицы на алых клапанах воротника и обшлагах отменялись. Погоны устанавливались алые с темно-зеленой выпушкой и шифровкой — Е.Ю. Погоны, воротник и обшлага обшивались по внешнему краю серебряным полустабским галуном. Шаровары устанавливались «серосиневатые, без выпушки, укороченные, для носки в сапоги» с привязными шпорами. В качестве повседневной одежды юнкера использовали темно-зеленую суконную рубашку образца 1890 г. с алой выпушкой на воротнике и погонами без галуна. Летом полагалась белая полотняная рубашка образца 1885 г. с пристяжными цветными погонами, обшитыми галуном. Шинель и фуражка с гербом оставались без изменения.

С преобразованием в 1902 г. ЕКЮУ в Елисаветградское кавалерийское училище (ЕКУ) и окончательным его переходом с 1904 г. на новую образовательную программу в форму училища 16 июля 1904 г. были высочайше внесены следующие изменения: 1) на воротнике и обшлагах положены в 1 ряд петлицы из беловой тесьмы; 2) на погонах отменена шифровка; 3) пуговицы вместо гладких положены образца, установленного 26 февраля 1902 г. для пехотных военных училищ — с изображением орла в «лучеобразном» сиянии; 4) фуражка положена: тулья алая с темно-зе-

ленной выпушкой и гербом военных училищ из белого металла, околыш темно-зеленый, козырек черный. Но уже 9 октября 1904 г. последовало указание иметь на пилотажных и фуражках государственный герб без сивилии.

3 августа 1908 г. для юнкеров ЕКУ была высочайше установлена новая форма. Объявлявший ее приказ по военному ведомству от 20 августа 1908 г. № 366 гласил: «В Елисаветградском и Тверском юнкерском кавалерийских училищах:

а) присвоить всем офицерам, юнкерам и штатным нижним чинам уланскую форму обмундирования, но с армейскими отличиями и серебряным прибором, причем Елисаветградскому училищу с алым приборным сукном, а Тверскому – с синим. На эполетах и погонах шифровки не иметь;

б) мундирное сукно этим училищам присвоить темно-зеленое;

в) сохранить ныне существующие фуражки (но уже без герба на тулье – В.П.);

и разрешить донашивать во всех... училищах ныне существующую форму обмундирования до 1-го Января 1910 года».

24 марта 1909 г. приказом по военному ведомству № 157 в качестве парадного головного убора была введена уланская шапка с черным лакированным козырьком и донцем. На шейку донца при парадной форме надевалась алая суконная накладка, обшитая по верху узкой белой тесьмой, а по низу – такой же широкой (3/4 вершка). Грани накладки обшивались белым шнуром. Эпашет унтер-офицерский. Спереди шапки первоначально крепился серебряный двуглавый орел. Но уже приказом

по военному ведомству от 9 февраля 1912 г. № 85 вместо орла на шапки был присвоен серебряный герб военно-учебных заведений – орел в сивилии*. При парадной форме с левой передней стороны в специальное гнездо рядом с кокардой вставлялся белый волосьный султан. Красивый головной убор служил предметом особой гордости елисаветградских юнкеров. Например, юнкер Женька Балк, отправляясь в театр или цирк, в обязательном порядке покупал два билета. На втором кресле он устраивал свою замечательную шапку. Еще большую значительность, по мнению Женьки, придавал ему вставленный в глаз монокль*.

Юнкер Евгений Криднев. 1911 г. (ЦМВС)
Юнкер одет в летнюю защитную форму обр. 1907/1909 г. Интересно отметить, что покрой защитной рубашки елисаветградских юнкеров в точности повторял покрой прежних белых рубашек обр. 1885 г.

Младший портупей-юнкер ЕКУ в обыкновенной форме обр. 1908 г. (Из частной коллекции)

При обыкновенной форме эполеты и цветной лацкан к мундиру не пристегивались, а вместо уланской шапки юнкера носили фуражку

Младший портупей-юнкер Евгений Криднев. 1912 г. (ЦМВС)
Криднев одет в парадную форму. На эполетах две поперечные нашивки из белой тесьмы. На шапке серебряный двуглавый орел, полагавшийся юнкерам ЕКУ в 1909-1912 гг.

Приказом по военному ведомству от 22 мая 1912 г. № 268 вместо темно-зеленой суконной рубашки юнкерам был присвоен походный мундир по образцу Николаевского кавалерийского училища. Однако на многочисленных фотографиях 1912-17 гг. походные мундиры не встречаются. Юнкера в основном носили рубашки с цветными погонами.

Особое значение в обмундировании юнкеров имели шпоры. Истари, независимо от того, зачислены ли в ЕКУ (ЕКУЮ) поступивший из числа вольноопределяющихся кавалерийских полков или же из числа выпускников средних учебных заведений, носить шпоры они не имели права. Шпоры являлись наградой за хорошую езду. Этот порядок куль-

* 6.IX.1916 г. корнет 13-го уланского Владимирского полка Евгений Балк был убит в конной атаке под Молодечно во главе 5-го эскадрона. Посмертно награжден Георгиевским оружием.

Мундир старшего портупей-юнкера ЕКУ обр. 1908 г.
(Из частной коллекции)

Интересно, что вместо выпушки по швам рукавов и спинки, а также по краям карманных клапанов нашит круглый шнур. Мундир ЕКУ полагалось шить из темно-зеленого сукна, являвшегося практически черным с соответствующим отливом. Однако данный экземпляр, а также аналогичный мундир, хранящийся в Музее А.В.Суворова в Петербурге, показывает, что сукно имеет скорее синий отлив, как на мундирах уланских полков. Возможно, это делалось сознательно для сближения юнкерского обмундирования с формой регулярных частей

вировался и начальством училища. Ротмистр Дудышкин описывает забавное происшествие, случившееся с прибывшим на младший курс ЕКУ студентом Подковниковым: «Довольно высокий, худой брюнет слегка советского типа и с ногами в форме икс, он явился в бетонном студенческом кителе, светло-голубых рейтузах «галифе» и в сапогах с огулительно гремевшими шпорами, вместо нижнего ремня, на которых была цепочка. В его руках красовался сток с тяжелой серебряной ручкой в форме торса обнаженной женщины. Этот неудачный грим спортсмена придавал ему необычайно карикатурный вид. К несчастью для Подковникова в день нашей явки дежурным был ротмистр Яр, который пришел в бешенство, узнав на Подковникова шпоры такого вида. Приказав их немедленно ему сбить, Яр вызвал к себе вахмистра Тихомирова и за подобное святотатство приказал ему дать «Господину Галифе» десять нарядов на дисциплину вне очереди»⁸.

Прибывшие в училище «звери» начинали обучаться верховой езде с начала августа

месяца. К концу октября они постепенно приобретали посадку и оттачивали свою езду в зимнем манеже. Большинство уже к Рождеству получало шпоры и «болтающиеся» представляли редкое исключение⁹. Вручение шпор сопровождалось специальным ритуалом. Традиционно ночь после получения шпор юнкер должен был проспать в них. Статус шпор был неким отзвуком древних рыцарских времен. В то же время это подталкивало к усердному владению верховой ездой, т.к. и при выходе в отпуск, и на балах шпоры надевали лишь те, кто их заслужил.

К сожалению, сегодня трудно судить о неписанных правилах ЕКУ. Далеко не все они упомянуты в редких мемуарах и воспоминаниях. Например, не исключено, что в ЕКУ практиковался обычай, принятый в Тверском кавалерийском училище, равнявшемся

⁸ Дортуйр — общая спальня в закрытых учебных заведениях.

Схема обмундирования ЕКУ по состоянию на 1 апреля 1911 г. (В. К. Шенк, «Таблицы форм обмундирования Русской Армии») В 1912 г. на шапках ввели новый герб, а офицерам вместо петлиц присвоили шитье военно-учебных заведений

Юнкер ЕКУ Савва Беляев в парадной форме, 1915-1916 гг. (Из частной коллекции) Окончив ЕКУ в феврале 1916 г., Беляев уже в марте погиб на фронте. Как видите, несмотря на военную обстановку, юнкера могли надевать парадную форму мирного времени

Юнкер ЕКУ в парадной форме. (Из коллекции автора) На шапке герб военно-учебных заведений, установленный для ЕКУ в 1912 г. Интересно отметить, что эполеты пристегнуты без контр-погончиков. Это, судя по всему (см. фото мундира слева), далеко не единственный случай, когда юнкера обходились без контр-погончиков. Примечательно, что оба юнкера вместо положенного полубашмака имеют армейский

на елизаветградцев. Описывая подготовку к присяге 22 октября 1908 г., один из бывших тверцов вспоминал: «За 2-3 дня до присяги Начальник училища... осматривал всех молодых юнкеров сам, чтобы было все по форме сделано и хорошо признано, и был удивлен, когда заметил, что у некоторых юнкеров темляки были старые. Была традиция Училища — за особенную опрятность «карт» дарил «зверю» свой темляк, который с достоинством и носил молодой. Полковник нажимал плечами, но традиции не менял»¹⁰. Вероятно, нечто подобное существовало и в ЕКУ.

Подобные внешние и внутренние традиции пронизывали всю жизнь училища. Например, расписанием предусматривалось, что юнкера должны сами чистить свою одежду и обувь. Но в то же время не возбранялось нанимать для этих целей училищных служителей, которые за деньги также стирали юнкерам их носильное белье. Училищная стирка предусматривалась только для казенного по-

стельного белья. Плата за чистку составляла обычно от 3-х до 5-ти рублей в месяц, а за стирку — дополнительно. Юнкерские дортуйры* обставлялись по-спартански скромно. Персонифицированы были лишь кровати и табурет. Отходя ко сну, юнкер с большим тщанием складывал свою одежду в ногах кровати так называемыми квадратиками. В результате из одежды получалась пирамидка, которую венчал свернутый в трубку пояс. Одежда парадная, зимняя и другие аксессуары хранились в цейхгаузе училища.

Особым направлением училищного воспитания считалась выработка военной выправки. От юнкера требовалось сочетание осанки, сноровки и четких приемов. Закладывалась знаменитая выправка, сохранявшаяся на всю жизнь и даже через многие десятилетия позволявшая узнать бывшего императорского офицера. Также обязательным для юнкера считалось выполнение многочисленных традиций «славной кожаной школы». Например нешком по городу юнкер мог идти лишь в

4-й взвод 2-го эскадрона ЕКУ при переходе на старший курс.
Октябрь – ноябрь 1916 г.
(Из книги «Исторический очерк Елисаветградского кавалерийского училища». Нью-Йорк, 1965. С. 169)

В центре группы сидит командир взвода гвардии ротмистр Рустанович. Этим юнкерам, окончившим ЕКУ по ускоренной программе 1 февраля 1917 г., суждено было стать последними выпускниками училища при монархии

Открытка, выполненная выпускником ЕКУ ротмистром К.Н.Подушкиным.
США, 1960-е гг. (Из коллекции автора)

На открытке изображены три поколения елисаветградцев

Открытка, изображающая юнкера ЮКУ в зимней обыкновенной форме.
Художник М.Тихонов. США, 1960-е гг.
(Из коллекции автора)

С 1907 г. по борту юнкерской шинели велено нашивать 6 пуговиц. Но в 1913 г. юнкерам разрешено иметь кавалерийские шинели нового образца с 5 пуговицами.
На заднем плане видно здание училища

Окончание статьи на стр. 48. ➔

Автор выражает благодарность:

Российской государственной библиотеке,
Центральному музею
Вооруженных Сил РФ,
Российскому Фонду Культуры,
Российско-американскому
культурно-просветительному
и благотворительному обществу
«Родина»

Вячеславу Белову (США),
Жерару Горохову (Франция),
Александру Кибовскому,
Ольге Земляковой,
Александру Никонову,
Олегу Круминсу (США),
Виктору Леонидову,
Игорю Маркину,
Сергею Патрикееву,
Сергею Плахову,
Ольге Рожковой

Этишкет юнкера ЕКУ
Велимира Петровича Рановича.
(Из семейного собрания)

Русская Мурманская армия. 1918

Александр ЧАПЕНКО

Одними из главных причин появления Русской Мурманской армии стали разногласия Мурманского Совета, требовавшего широкой автономии, с Архангельском, а также опасения, что этот северный город и Мурманская железная дорога будут захвачены германцами или пронемецки настроенными финнами.

Именно угроза со стороны Германии и Финляндии заставили Мурманский Совет заключить соглашение с союзниками, итогом которого стала высадка в Мурманске 6 марта 1918 г. отрядов английской морской пехоты с линкора «Глори». Эти события при-

нято считать началом иностранной интервенции на севере России.

Агрессивные действия финнов носили вполне реальный характер. Еще 23 февраля 1918 г. в своем приказе командующий вооруженными силами Финляндии генерал К. Г. Э. Маннергейм заявлял, что финны должны создать сильную и могучую Финляндию, в состав которой должны были войти и Кольский полуостров и Карелия. В конце марта 1918 г. активные боевые действия на кандалакшском направлении развернул Куолаярвский отряд лейтенанта Вилламо, на Конду и Кижую губу наступал отряд капитана Валлеинуса. Финны из отряда Ренвалла совершили налет на Печенгу, бои в районе которой продолжались вплоть до середины мая 1918 г.¹

Мурманский Совет 22 апреля 1918 г. принял собственную конституцию, в которой называл себя краевым, а территории Кемского и Александровского уездов Архангельской губернии теперь именовались Мурманским краем.²

Озабоченность тем, что финские отряды смогут захватить ряд населенных пунктов вдоль Мурманской железной дороги и отсутствие реальной помощи из Архангельска и Петрограда заставили Мурманский краевой Совет принять помощь Антанты, а также приступить к созданию собственных вооруженных сил.

Приказом председателя Мурманского краевого Совета А. М. Юрьева от 20 июля 1918 г. Мурманский край для удобства управления в военном отношении разделился на 4 военных района: Кольский, Кандалакшский, Кемский и Сорокский. В каждый район назначался военный комендант, который подчинялся непосредственно Военному Комиссару. Коменданты ведали регистрацией населения, перевозочными средствами, материалами, годными для военных целей. Они же организовывали вербовку добровольцев, оборудовали сборные пункты и способствовали укомплектованию и снабжению частей, формирующихся в их районе.³

31 июля 1918 г. приказом № 7 временно командовавшего русскими вооруженными силами Гапонова для русских воинских частей Мурманского края была введена собственная форма одежды. Она должна была быть защитного цвета и иметь произвольный покрой. Фуражка защитная, установленного русского образца. На левую часть околыша нашивалась цветная тесьма шириной $\frac{1}{8}$ вершка. Вместо кокарды на головном уборе было положено носить синий Андреевский крест из тесьмы такой же ширины. Шинель, китель и рубашка должны были иметь потоны из соответствующего материала, пристегивавшиеся у воротника. Потоны были одинаковыми для всех чинов, и на них не носилось никаких от-

личий. На рукава вокруг обшлагов полагалась тесьма шириной $\frac{1}{8}$ вершка.

Знаками различия служили угловые шевроны длиной в 1 вершок, носившиеся на правом рукаве. Отделенному и взводному и фельдфебелю полагалось носить нашивные углом вниз от 1 до 3 шевронов, которые крепились между кистью и локтем. Командир взвода, командир роты, командир батальона и командир полка имели от 1 до 4 шевронов на правом рукаве, но они были направлены углом вверх и носились между локтем и плечом. Командиру бригады, командиру дивизии и командиру корпуса полагалось носить от 1 до 3 шевронов на правом рукаве, между локтем и плечом, но тесьма была шириной не в $\frac{1}{8}$ вершка, как у двух описанных выше категорий военнослужащих, а в два раза шире — $\frac{1}{4}$ вершка.

В каждом военном районе и участке охраны был свой цвет шевронов и тесьмы на фуражке и обшлагах. В 1-м военном районе и участке охраны (Кольский или Мурманский) это был красный, во 2-м (Кандалакшский) — синий, в 3-м (Кемский) и 4-м (Сорокский) — белый.⁴

1 августа 1918 г. приказом № 8 было объявлено о формировании Русской Мурманской армии. В этом приказе объявлялось, что уплата жалования, поставка оружия, обмундирования и пайка будет осуществляться Британским правительством. Отмечалось, что обмундирование у русских будет точно таким же, как у британских солдат, но «некоторыми отличительными знаками».⁵ Из этого следует сделать вывод, что, скорее всего, униформа и снаряжение в этой армии было английским, но со знаками различия, принятыми для Русской Мурманской армии приказом № 7 от 31 июля 1918 г.

Будущий командующий русскими войсками Северной области генерал-майор В. В. Марушевский, прибывший в Мурманск осенью 1918 г. в своих воспоминаниях так охарактеризовал увиденные им части Русской Мурманской армии: «...едва ли наши силы превышали, в общей сложности, две роты пехоты. В сущности, к этому времени едва успели набрать кадры, которые представляли собою отдельные взводы. На фуражках эти войска носили Андреевский крест, сделанный из жести. Погон у офицерского состава не было».⁶

Вступая в ряды Русской Мурманской армии, доброволец подписывал особое обязательство, согласно которому он обещал защищать Родину от внешних и внутренних врагов, исполнять все распоряжения и приказания начальствующих лиц военного состава русской и союзной армий.⁷

Обучение солдат велось также как в русской армии, команды отдавались по-русски. В Мурманскую армию брались добровольцы в возрасте от 18 до 45 лет.

До того момента, пока русские воинские соединения не обрели реальную боевую силу, каждый русский взвод или рота должны были первое время быть прикрепленными к

Взводный 1-го военного района Русской Мурманской армии. Август 1918 г.

художник Павел Алексин

воинским частям союзников. Соединения Мурманского военного района были присоединены к пехотной роте 29-го батальона Королевских фузилеров (полка города Лондона) (29th Royal Fusiliers (City of London Regiment)), Кандакшского – к сербскому батальону, Кемского – к отряду британской морской пехоты. В Сорокинском районе русские части должны были войти в состав отдельного отряда под командованием британского начальника Кемского отряда.

Командантами военных районов назначались русские офицеры – Мурманский и Кандакшский районы возглавлял Стухолкин, Кемский – Байков, Сорокинский – Крутяков⁶. Командующим русскими вооруженными силами Мурманского края с 7 июля 1918 г. являлся Н. И. Звездинцев. С 30 июля по 4 сентября 1918 г. его временно заменял Гапонов⁷.

Русская Мурманская армия создавалась в основном для выполнения охранных функций на Мурманской железной дороге, и она не имела значительной численности, прежде всего потому, что этот северный край был беден людскими ресурсами, и даже мобилизация не дала большого числа солдат. Всего удалось создать 7 рот, сведенных в два батальона (в октябре 1918 г. был создан Андреевский, в ноябре – Кемский)⁸. К сожалению,

точная численность личного состава Мурманской армии неизвестна.

Как самостоятельная боевая единица армия просуществовала относительно недолго. Осенью 1918 г. Мурманский краевой Совет был упразднен, а сам край был присоединен к Северной области и назван Мурманским районом. После этого Мурманская армия была ликвидирована, а ее соединения составили основу 2-го Северного Стрелкового полка (его еще называли Мурманским), входившего в состав Вооруженных сил Северной области. Система знаков различия, принятая в Русской Мурманской армии получила дальнейшее развитие в вооруженных силах Северной области. В частности постановление Верховного управления Северной области от 8 августа 1918 г. утверждало для ношения личным составом вооруженных сил Северной области знаки различия весьма похожие на принятые ранее в Русской Мурманской армии.

⁶ Киселев А.А. Родное Заполярье. Очерки истории Мурманской области (1917–1972 гг.). Мурманск, 1974. С. 57.

⁷ Федоров Л.В. Политическая обстановка на Мурмане в 1917–1921 гг. // Сборник научных статей аспирантов и соискателей. Мурманск, 2001. С. 62.

⁸ Государственный архив Мурманской области (ГАМО). Ф. 919. Оп. 1. Д. 4. Л. 5.

⁴ Там же. Л. 25.

⁵ Там же. Л. 13.

⁶ Марушевский В.В. Год на Севере (август 1918 – август 1919 г.) // Белый Север, 1918–1920 гг.: Мемуары и документы. Вып. 1. Сост., авт. вст. статьи и комментариев канд. ист. наук В.И.Толкин. Архангельск, 1993. С. 187.

⁷ ГАМО. Ф. 919. Оп. 1. Д. 15. Л. 1.

⁸ Там же. Д. 4. Л. 13.

⁹ Тучков А.И. Вооруженные силы Северной области в освободительной войне 1918–1920 гг. // Ученые записки. Выпуск 1. Материалы научной конференции, посвященной годовщине приказа генерала Алексеева – началу Белого движения. Мурманск, 2001. С. 9.

¹⁰ Там же. С. 4.

Пулеметная команда Русской Мурманской армии. 1918 г. (Мурманский областной краеведческий музей)

Судя по цвету тесмы, на фотографии изображены военнослужащие 3-го или 4-го (Кемского или Сорокинского) военного районов. Несмотря на плохое качество фотографии, цветная тесьма явно просматривается на обшлагах и околышах фуражек. Отчетливо видно, что на головных уборах военнослужащие носят не положенный по приказу Андреевский крест, а кокарды, идентифицировать которые нет возможности. Предположительно это старые российские кокарды

СЕРДЮКИ ГЕТМАНА СКОРОПАДСКОГО. УКРАИНА. 1918

Ярослав ТИНЧЕНКО

«Кавалергард, генерал, самый крупный богатый помещик, и зовут его Павлом Петровичем... По какой-то странной насмешке судьбы и истории избрание его, состоявшееся в апреле знаменитого года, произошло в цирке... Избрание состоялось с ошеломляющей быстротой – и слава богу. Гетман воцарился – и прекрасно. Лишь бы только на рынках было мясо и хлеб, а на улицах не было стрельбы, и чтобы, ради самого господина, не было большевиков, и чтобы простой народ не грабил. Ну что ж, все это более или менее осуществлялось при гетмане, пожалуй, даже в значительной степени. По крайней мере, прибегающие москвичи и петербуржцы и большинство горожан, хоть и смеялись над странной гетманской страной, которую они, подобно Тильбергу, называли опереткой, небсаделившим царством, гетмана слабословили искренне... и... «Дай бог, чтобы это продолжалось вечно». (М.А.Булгаков, «Белая гвардия»)

УКРАИНСКОЕ ВОЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ. НАЧАЛО

Воцарение на Украине под защитой немецких и австро-венгерских отрядов генерал-лейтенанта и бывшего флигель-адъютанта Павла Петровича Скоропадского имело свою, хоть и не длинную, но весьма насыщенный фактами историю. Началась она сразу же после Февральской революции. 3(16) марта 1917 г. в Киеве состоялось собрание представителей различных общественных и политических украинских организаций, на котором было принято решение о создании собственного национального правительства – Центральной Рады. Главой Рады избрали известного историка, автора многолетней истории «Украины-Руси» М.С.Грушевского.

На первых порах Центральная Рада занималась поддержкой и развитием украинского движения в различных сферах жизни, в том числе и в военной. В Киеве было проведено несколько Всеукраинских военных съездов, в которых участвовали офицеры и солдаты-украинцы от различных частей фронта и тыла. В составе самой Рады был создан Украинский генеральный военный комитет во главе со старым партийным деятелем, военным чиновником с Западного фронта С.В.Петлюрой. Комитет занимался проведением украинизации на фронте (выделением украинцев в отдельные полки) и созданием новых национальных частей в тыловых гарнизонах. Первой подобной частью стал 1-й Украинский казачий полк имени гетмана Богдана Хмельницкого, возникший в Киеве в мае 1917 г.

Украинизация на фронте также набирала стремительные обороты. Летом 1917 г. было принято решение об украинизации целого 34-го армейского корпуса. Этим корпусом, ставшим в итоге 1-м Украинским, как раз и командовал генерал-лейтенант П.П.Скоропадский – потомок ставленника Петра I, ле-

побережного гетмана Украины в 1708-1722 гг. Ивана Скоропадского.

После Октябрьского переворота Центральная Рада уже имела в своем распоряжении весьма внушительные вооруженные силы, с помощью которых 31 октября (13 ноября) 1917 г. установила свою власть в Киеве. Отношения с большевиками с самого начала были крайне напряженными, что привело к изданию Радой 7(20) ноября 3-го Универсала, в котором объявлялось о федерации в составе России Украинской народной республики (УНР). Симон Петлюра спешно рассылал по фронтам приказы об украинизации целых дивизий и корпусов. К концу 1917 г. таковыми считались более 20 пехотных, стрелковых и 6 кавалерийских дивизий (в подавляющем большинстве это были соединения, ранее дислоцировавшиеся в Киевском и Одесском военных округах). В тыловых гарнизонах Украины Центральная Рада располагала почти 30 полнокровными полками и куренями (батальонами), носившими громкие исторические названия. Возглавлял военные формирования Рады П.П.Скоропадский.

Краутотыльным камнем между Центральной Радой и большевистским Совнаркомом стали вопросы об украинском хлебе, пропуске с фронта на Дон неразоруженных казацких частей и о разгоне в Украине красной гвардии. Отношения настолько накалились, что в декабре 1917 г. Совнарком высылал против Рады красногвардейские и обольшевиченные солдатские отряды. В поддержку этому нападению во многих крупных городах вспыхнули красногвардейские восстания. К тому времени под воздействием революционной пропаганды большая часть украинских войск либо разошлась по домам (на фронте) либо отказывалась сражаться с красными отрядами (в тылу). К тому же остатки украинизированных полков все еще продолжали держать внешний фронт, а потому принять участие в украинско-большевистской войне не смогли.

Поход большевиков на Киев был отмечен реками крови и жестокими схватками с украинскими частями. 11(24) января 1918 г. Рада издала 4-й Универсал, провозгласивший полную независимость УНР. После жарких боев в Чугуеве, Екатеринославе, на станции Дебальцево, Полтаве, Одессе, под Бахмачью и станцией Круты большевики подступили к Киеву.

художник Дмитрий Шенюк

Осаулы гетмана. На рисунке он изображен в белой шапке с краповым шлыком и сердюкской звездой. Именно в таком головном уборе осаулы фигурируют на кинохронике того времени

Сердюкская «звезда» – кокарда, введенная для чинов Сердюкской дивизии. Также использовалась и осаулами Скоропадского. (Центральный государственный архив Высших органов власти Украины, далее – ЦГАВУ)

Осавул В.В.Кочубей — бывший ротмистр Кавалергардского полка. Как сосед Скоропадского по поместьям, князь Кочубей стал его первым осавулом. На снимке, сделанном в начале лета 1918 г. при посещении Кочубеем немецкого лагеря для военнопленных украинцев, князь запечатлен, вероятно, в самом первом жупане, появившемся в украинской армии. Жупан имеет ряд отклонений. Бросается в глаза, что шнуры на нем не темнее поля жупана, а намного светлее. Головной убор — как у чинов Гетманского Штаба

Рисунки униформы и нагрудных шнуров гетманских осавулов. (ЦГАВУ)

В городе несколько дней пылало восстание, подавленное буквально накануне прибытия советских войск. Однако это не исправило ситуации. Сражение за Киев вспыхнуло с новой силой. В ночь с 26 на 27 января (с 8 на 9 февраля) 1918 г., после кровопролитных 10-дневных уличных боев, под прикрытием остатков украинских войск Центральная Рада оставила город. Но большевистские войска были настолько обескровлены боями, что отказались от преследования украинцев. В то же самое время в Брест-Литовске полномочная делегация Рады заключила со странами Четверного союза мир. По дополнительному договору немецкая и австро-венгерская стороны брали на себя обязательство своими войсками изгнать большевиков с территории Украины. Рада же обязалась предоставить Четверному союзу значительное количество продовольствия. Уже 1 марта 1918 г. украинские и немецкие части вновь вступили в Киев, а к концу апреля почти вся Украина была очищена от большевиков.

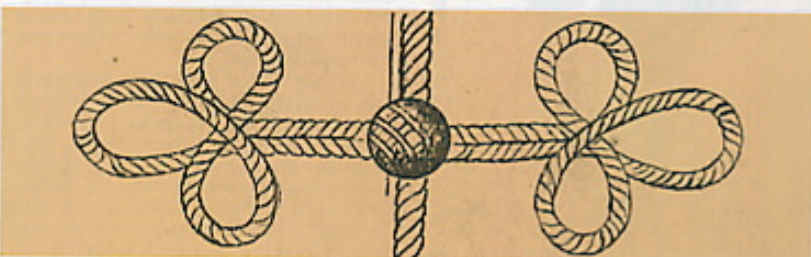
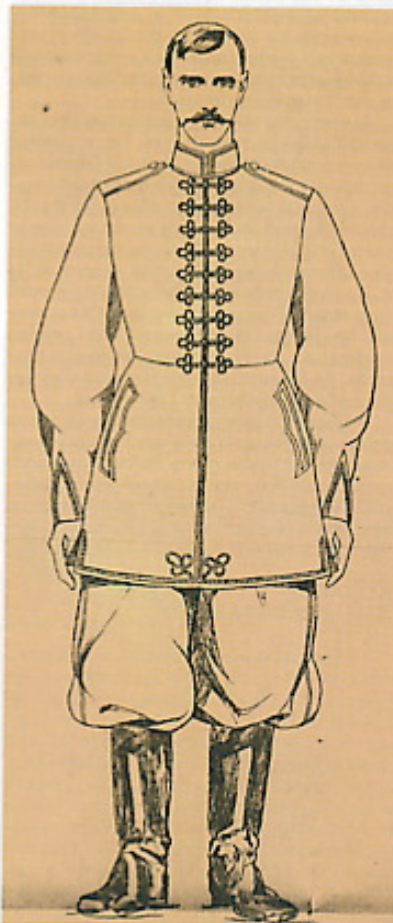
В первые же недели пребывания на Украине немецкие власти разочаровались в Центральной Раде, считая ее слишком социалистической и неспособной к выполнению договора о поставках продовольствия. Некоторое недовольство Радой из-за ее чрезмерного социализма высказывали также украинские дворяне и наиболее зажиточная часть крестьянства. Именно эти круги при прямой и открытой поддержке немцев 29 апреля 1918 г. разогнали Раду и фактически ликвидировали УНР. Вместо них была провозглашена Украинская держава, во главе которой стал избранный гетман Украины — бывший командир 1-го Украинского корпуса П.П.Скоропадский.

ГЕТМАНСКИЙ ПЕРЕВОРОТ

Гетману Скоропадскому от Центральной Рады досталось весьма солидное военное наследство. Во-первых, кадры тех самых 20 пехотных, стрелковых и 6 кавалерийских дивизий. Эти кадры под украинскими знаменами оставались на фронте вплоть до заключения Брестского мира, затем же организованно разошлись по местам своей прежней дислокации. Немцы их не тронули, считая союзниками. Впрочем, кадры эти были немногочисленны: в полках оставалось по 20-30 офицеров и военных чиновников, изъявивших желание служить в украинской армии. Во-вторых — великодушная во всех отношениях Запорожская дивизия, созданная из войск,

ушедших с Центральной Радой из Киева 26 января (8 февраля) 1918 г. На момент переворота части этой дивизии продолжали преследовать разрозненные большевистские отряды на Харьковщине и в Донском бассейне. Наконец, в третьих, — Инструкторская офицерская школа, занимавшаяся переподготовкой офицеров военного времени.

Кадровые части и Инструкторская школа не без симпатий отнеслись к воспарению Скоропадского. Зато в Запорожской дивизии были крайне недовольны этим фактом. Но Гетман не решился расформировать запорожцев — это была единственная реальная украинская вооруженная сила. И вплоть до падения гетманской власти Скоропадскому пришлось мучиться с холодком, веявшим «с Запорожья».

Первое время кроме, собственно, немецких войск Скоропадскому приходилось также опираться на два полупартизанских формирования, появившихся еще при Центральной Раде: Офицерский отряд и Полтавскую конно-партизанскую сотню. Отряд возник при отступлении Рады из Киева из офицеров, с одной стороны не желавших гибнуть от штыков большевиков, а с другой – считавших ниже своего достоинства воевать на стороне немцев. Никакой пользы от этого отряда не было: офицеры пьянствовали, отказывались ехать на фронт или в Добровольческую армию и вели весьма праздный образ жизни. Лишь чрезмерный либерализм и терпение Рады, а также заступничество немцев спасло отряд от расформирования. Полтавская сотня возникла уже во время наступления запорожцев и немцев на Левобережной Украине. Она была сформирована полтавскими помещиками – соседями и родственниками семейства Скоропадских, имела надежный, боевой и дисциплинированный состав.

Со временем Скоропадскому все же пришлось расформировать Офицерский отряд, оказавший генералу нецелесообразные услуги во время Гетманского переворота. Полтавская

же сотня была переформирована в Собственный Его Ясновельможности Пана Гетмана конвой. Командовал этим конвоем генерал-майор Н.А. Устинович – крупный украинский помещик и командир лубенских гусар в I Мировую войну. Конвой состоял из личных друзей и знакомых Скоропадского по гвардии и черниговским поместьям.

По своему характеру новоявленный гетман был большим барнином и сибаритом. Многие из приписываемых ему украинской историографией заслуг были, на самом деле, заслугами Центральной Рады. Например – сохранение украинизированных дивизий и формирование на их базе новой кадровой армии. Но вместо того, чтобы продолжать начинания Военного министерства и Генерального штаба Центральной Рады, Скоропадский почти устранился от этого вопроса. Вся его роль в развитии кадровой армии ограничилась лишь введением новых знаков различия и отличия, а также многочисленными кадровыми перемещениями.

Вместе с тем гетман развел целую кучу ненужной военной бюрократии. Так, наравне с многочисленным аппаратом Военного министерства, Главного и Генерального штабов, Скоропадский завел еще и свой собственный штаб. Возник он во время подготовки Гетманского переворота и разрабатывал наиболее бескровные пути захвата власти. Но после избрания Скоропадского роль этого штаба (также именуемого Собственным Его Ясновельможности Пана Гетмана штабом) возросла до неограниченных размеров. Во главе штаба стоял генерал-майор Генштаба В.В. Дашкевич-Горбатский.

В армии Скоропадского, имевшей целых четыре центральных военных органа управления, тем не менее, почти не было рядового состава (за исключением, конечно же, Запорожской дивизии). Набор молодых возрастов украинцев вначале планировался осенью 1918 г., но затем был перенесен на весну 1919 г.

СОЗДАНИЕ ГЕТМАНСКОЙ ГВАРДИИ

Скоропадский остро нуждался в каких-то новых реальных и надежных войсках. На помощь пришли зажиточные крестьяне-хлебоборы, те самые, которые избрали его гетманом. Из детей хлебоборы Скоропадский начал формировать Сердюкскую дивизию. Слово «сердюк» (т.е. сердитый) в Средние века на Украине было тождественно понятиям «суровый» и «серьезный». Сердюками традиционно называлась личная гвардия украинских гетманов. В память о ней Скоропадский дал это название новой дивизии, акцентируя на том, что четыре Сердюкских полка Ивана Мазепы в 1709 г. доблестно сражались с русскими войсками Петра I и почти полностью погибли при защите гетманской столицы Батурина.

3 июня 1918 г. Военное министерство Скоропадского издало приказ о формировании 4 Сердюкских пехотных полков (по 2 куреня в каждом), артиллерийского полка (3 батареи), инженерной сотни и Лубенского конно-казацкого полка (3 сотни)¹. Все офицеры и казаки, поступавшие в дивизию, должны были принадлежать к классу землевладельцев – зажиточных хлебоборы. Об этом

Генерал К.Х. Середин в униформе Гетманского Штаба. Это униформа была спешно пошита для участия генерала в похоронах погибшего в Киеве 30 июля 1918 г. германского фельдмаршала Г. фон Эйхгорна

Офицер 1-го Сердюкского полка

издали даже специальный указ: «Казаки должны быть набраны из крестьян-хлебоборы, имеющих большое земельное хозяйство, причем, сыны хлебоборы, подлежащие призыву, обязательно должны отвечать условию неотлучного проживания в своих семьях и ни в коем случае не пребывать в это время на заработках в городах или местечках; все они должны быть украинцами, православными»². Многие из офицеров принимались после окончания Инструкторской офицерской школы, где проходили не только военную переподготовку, но и изучали украинскую историю, язык и литературу³.

На формирование Сердюкской инженерной сотни были обращены кадры 104-й инженерной роты старой Российской армии. В прошлом эта рота входила в состав 104-й (1-й Украинской) дивизии 34-го (1-го Украинского) армейского корпуса, которым командовал Скоропадский. Лубенский Сердюкский конно-казацкий полк разворачивался из кадров 8-го гусарского Лубенского полка, украинизированного еще в сентябре 1917 г. При этом первым командиром Лубенского Сердюкского полка стал последний командир

Лубенских гусар полковник Иван Омельнич-Павленко (младший).

Формирование дивизии проводилось в ускоренном темпе. Уже 22 июня были назначены командиры полков и часть офицеров. Еще через несколько дней в полках появились первые казаки — из числа приставленных хлеборобами своих сынов. Уже к концу сентября 1918 г. дивизия была укомплектована по полному штату. В ней насчитывалось чуть более 5 тысяч офицеров и казаков.

УНИФОРМА ГЕТМАНСКОГО ШТАБА, КОНВОЯ И СЕРДЮКСКОЙ ДИВИЗИИ

В войсках Скоропадского разработкой униформы и новых орденов ведала специальная комиссия в составе всего трех человек: знаменитого украинского художника Георгия Нарбута, маститого историка Владимира Модзалевского (между прочим — автора-соавтора исторических хроник полков русской армии) и капитана генштаба Вишневецкого. Скорее всего, именно этой тройке принадлежал проект особой униформы для Гетманского штаба, Конвоя, Сердюкской дивизии и Лубенского Сердюкского конно-казацкого полка.

27 июня 1918 г. приказом № 264 для Конвоя была введена кокарда особой формы. Основу ее составляла введенная ранее круглая кокарда диаметром 27 мм с синим кружком в середине, на котором был изображен желтый трезубец, и с желтыми краями. Теперь под кокарду дополнительно подкладывались две перекрещенные булавы длиной 32 мм⁴.

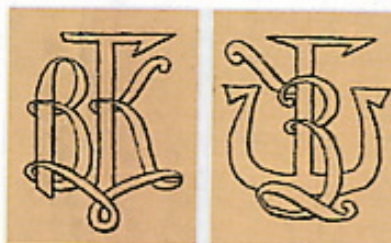
Рисунки униформы нижних чинов Сердюкской дивизии. (ЦГАВУ)

1 июля был опубликован приказ № 290 об униформе Гетманского штаба и Конвоя — жупане (украинском историческом мундире особой формы), шароварах (или бриджах) и шапке-мазенинке.

Жупан должен был быть защитного цвета с краповым кантом по нижнему краю ворота и такого же цвета выпушкой на погонах. По нижнему краю, по бортам, на спине, груди, по обшлагам и верхнему краю стоячего воротника жупан обшивался темно-зеленым шелковым шнуром. Он застегивался на 5 внутренних пуговиц, а рукава — на 5 кнопок с тыльной стороны обшлага. На рукава (расширенные в локте и сужающиеся к низу) нашивались обшлаги особой формы в виде треугольников, которые назывались «чехлами». Офицеры Штаба и Конвоя носили жупан на 8 см длиннее, чем казаки. На левом борту жупана нашивалось 9 пуговиц, застегивавшихся на темно-зеленые петли. Осаулам (личным адъютантам) гетмана Скоропадского полагался более нарядный жупан: петли на концах еще имели узор особой формы. Золотые погоны (различной ширины — по чинам) имели краповую выпушку (подробно знаки различия мы рассмотрим в следующей статье).

Шаровары вводились серо-синего цвета, с краповой выпушкой у офицеров и без выпушек у казаков. Военные чиновники носили шаровары как у офицеров, но длинные, навыпуск.

Шапка-мазенинка изготавливалась из черного меха, высотой сзади 8 см, а спереди — с выемкой. Верх шапки полагался белого цвета. К основанию выемки крепилась кокарда и белый султан длиной 20 см. Эту шапку должны были носить как осаулы, так и конвойцы⁵. Но ряд фотографий чинов штаба, Конвоя и осаулов свидетельствует, что головные

Рисунки вензелей на погоны чинов Собственных Гетмана конвоя и Штаба Гетмана Украины. (ЦГАВУ)

уборы у них были все же несколько иные, о чем будет сказано ниже.

31 августа 1918 г. такая же униформа, но с некоторыми отличиями, была введена и в Сердюкской дивизии.

а) По верхнему краю ворота шивался синий кант, а по нижнему — кант прикладного цвета.

б) Погоны для офицеров — подбой и прощеты прикладного цвета. Погоны для казаков — прикладного сукна с кантом рода войск.

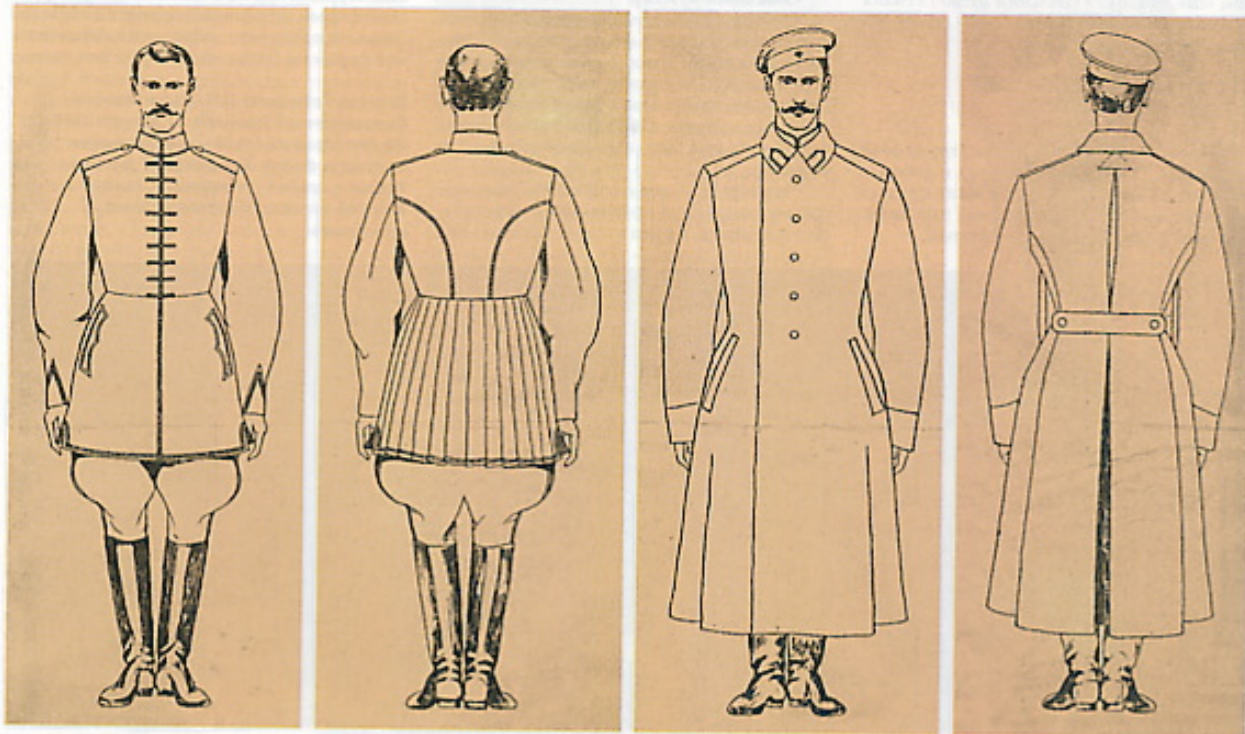
в) Казачий жупан обшивался темно-зеленым гарусным, а не шелковым шнуром.

Штаны-бриджи у всех в дивизии были серо-синие, с кантом прикладного цвета у казаков. Генералы и офицеры носили на штанах лампасы.

а) генералы — двухрядный (каждая из половинок толщиной 18 мм), цвета приборного металла, с выпушкой прикладного цвета.

б) штаб-офицеры — однорядный в 22 мм.

в) обер-офицеры — однорядный в 18 мм.

Прикладной цвет и приборный металл в частях Сердюкской дивизии		
	цвет	металл
1-й полк	краповый	желтый
2-й полк	— " —	белый
3-й полк	оранжевый	желтый
4-й полк	— " —	белый
артиллерия	черный	желтый
инженеры	— " —	белый

Фуражка серо-синего сукна, с выпушкой прикладного цвета на тулье. В пехоте окопный прикладного цвета, у артиллеристов и инженеров — черный. Офицеры и сверхсрочные унтер-офицеры на фуражке носили черные козырьки и черные подбородный ремешок с двумя муфточками с выпушками на них приборного металла. На фуражках чины дивизии должны были носить кокарду особого образца — «зоре».

Шинель старого образца. Но петлицы на ней не четырехугольной, а пятиугольной формы, закатывавшиеся у края воротника прямым углом. Петлицы прикладного цвета с синей (сердюкской) выпушкой. Офицеры и унтер-офицеры носили на каждой петлице пуговицу. Воротник офицерской шинели обшивался кантом прикладного цвета⁶.

Прикладной цвет и приборный металл в частях дивизии представлены в таблице.

На приложениях к приказам об униформе рисунках также фигурируют еще два элемента знаков отличия, по какой-то причине не упомянутых в тексте. Это — вензеля на погонах Конвоя и Гетманского штаба. Вензель штаба состоял из переплетенных букв «В», «Ш», «Г» и «У» (Власний Штаб Гетмана Украины), а вензель Конвоя — «В», «Г» и «К» (Власний Гетмана Конвой).

ЛУБЕНСКИЙ СЕРДЮКСКИЙ КОННО-КАЗАЧИЙ ПОЛК

Лубенскому полку была введена особая униформа. Она была объявлена в приказе №508 от 21 августа 1918 г. Приказ предусматривал наличие у чинов полка парадной, обычной и повседневной униформы.

Парадный мундир

Синий жупан со стоячим воротником. Изнутри жупан застегивался на пять крючков, нашитых поочередно на обоих бортах, воротник — на один крючок. На правом борту мундира нашивалось пять гусарских костыльков, застегивавшихся на пять белых петель. По борту, подолу, вороту, карманам, «чехлам» (обшлагам) мундир обшивался белым жгутом в 2 см толщиной. Спинка жупана обшивалась так же, как и спинка русского гусарского доломана. Сзади на мундире имелся разрез. На груди, рядом с гусарскими костыльками, на каждом борту нашивалось по пять белых жгутов.

Погоны парадного мундира для казаков делались из сложенного вдвое белого шнура с петлей внизу и гайкой сверху. Унтер-офицеры Лубенского полка носили на вороте и «чехлах» серебряный бисон шириной в 1,8 см. У росового на погоне была одна гайка с вшитыми желтыми и голубыми нитками, у четового — две, у бунчукового — три. Обер-офицеры на парадном мундире вместо белого шнура имели серебряный бисон шириной 1,8 см со шитыми желтыми и голубыми нитками. На спинке на нижних заплатах обшивки жупана пришивалось шесть пуговиц. Погоны обер-офицеров были из серебряного жгута: хорунжий имел чистый погон, значковый — погон с серебряной гайкой и золотой звездой на ней (миниатюрной сердюкской кокарды), а сотник — две такие же гайки. Штаб-офицеры носили на вороте и «чехлах» серебряный позумент с зигзагом в 2,2 см шириной, а на рукавах вместо жгута — гусарские петли из тонкого серебряного шнура. На погонах войскового старшины была одна гайка, как у значкового, а у полковника — две гайки.

Обычный мундир

Обычный жупан был также синего цвета, но без разреза сзади и немного короче. Шнуром на обычном жупане обшивались лишь борта, подол, карманы, ворот и «чехлы». Погонычки нашивались такие же, как и на парадном мундире. Обычный жупан офицеров должен был быть на 8-10 см короче, чем у казаков.

Чакчиры казаков и офицеров Лубенского полка оставались краповыми, старого русского образца, но без гусарских узлов. Вне

строю офицерам разрешалось носить синие чакчиры.

В Лубенском полку было два головных убора, как прежде во всей русской кавалерии: меховая шапка-мазепинка и фуражка. Шапка — белого цвета, с коротким желтым шльком, обшитым серебряным позументом. Фуражка — прежнего русского образца, такая же, как была в 8-м гусарском Лубенском полку. Кушак и лядунка должны были быть также старого образца⁷.

ЧТО ЖЕ РЕАЛЬНО НОСИЛИ В ГЕТМАНСКОМ ШТАБЕ?

Период правления Скоропадского был очень недолгим. Новую форму успели пошить далеко не всем. Вернее — лишь избранным. На этот счет существует несколько упоминаний в мемуаристике, две документальные киноплёнки и несколько фотографий.

Судя по фотографиям (по крайней мере, двум, опубликованным в журналах «Око» и «Літопису Червоної Калини» № 11 за 1932 г.), самым первым в новую униформу переоделись осавул Скоропадского, бывший ротмистр Кавалергардского полка В.В.Кочубей. Вероятно, он заказал себе жупан, шаровары и шапку еще до опубликования приказа. Жупан у него на фотографиях очень темный, а шнур — почти белый. К тому же, в разрез с приказом, у этого осавула обшиты шнуром и клапаны карманов. Шапка на Кочубее маленькая, черная, с круглой армейской кокардой и темным дощечком (а не белым).

В третьем номере журнала «Око», вышедшем приблизительно в последних числах июля 1918 г., была помещена фотография «Смена гетманской охраны» (т.е. Конвоя). Весь строй конвойцев на ней — в старой русской форме, но с погонами нового образца. Лишь перед строем — офицер в нововведенной форме и в большой белой шапке с широким

Встреча Гетманом П.П.Скоропадским Серожупанной дивизии 27 августа 1918 г. На фотографии слева — два офицера, одетых в форму Сердюкской дивизии. Рядом с ними — гетманский осавул в белой шапке с коротким шльком и султаном

ким растробом (вероятно, все-таки это офицер не Конвой, а Лубенского полка).

Центральной темой очередного номера «Око» были похороны убитого террористом в Киеве командующего оккупационными войсками генерал-фельдмаршала Г. фон Эйхгорна. Похороны состоялись в Берлине 6 августа 1918 г. Представителем Скоропадского на этих похоронах был генерал К.Х.Середин, чья фотография украсила обложку журнала. На генерале – мундир Гетманского штаба, но вместо шаровар – бриджи, а вместо ремня – казацкий малиновый кушак. Шапка – черная, с круглой общеармейской кокардой и темным дном, на котором просматривается нашитый золотой галуз.

Следующий документ – кинолента, запечатлевшая прием Скоропадским второго выпуска воспитанников Инструкторской офицерской школы, состоявшегося в конце августа 1918 г. На этой киноленте фигурирует и несколько офицеров, одетых в новую парадную форму Гетманского штаба и Конвой. Но, показательно, что головные уборы у этих офицеров уже двух типов: ранее описанные черные шапки (как у ротмистра Кочубея и генерала Середина) и белые шапки с белыми же султанами и темными штыками (как у Лубенского полка). При ближайшем рассмотрении оказывается, что в белых шапках не лубенцы, а осавулы Скоропадского. Из этого можно заключить, что в штабе и Конвое остались черные шапки, а у осавул были введены белые. Показательно, что фигурирующий на этой же документальной ленте генерал Усатинович продолжает носить свою старую черную череску, на которой нет ни одного знака различия гетманской армии.

В одном из следующих номеров «Ока» было помещено несколько фотографий, посвященных встрече гетманом, чинами его штаба и Военного министерства 1-й Казачьей стрелковой (Сержупанской) дивизии, сформированной из военнопленных-украинцев русской армии в австро-венгерских лагерях. Встреча состоялась в Киеве 27 августа 1918 г. На фотографиях фигурируют уже знакомые нам осавулы в белых шапках и офицеры Гетманского штаба, но уже не в шапках, а в фуражках. Причем при ближайшем рассмотрении видно, что на фуражках и шапках уже надеты не общеармейские круглые кокарды, а сердюкские зоры.

Нашего сложнее судить об изготовлении униформы в Сердюкской дивизии. Существует кинолента, которая датируется сентябрем 1918 г. На ней – парад Лубенского Сердюкского конно-казацкого полка. Отдельные кадры из этой киноленты достаточно широко известны. Они неоднократно публиковались, но всегда с разными, и, как правило, неверными подписями. Например, в советских изданиях кадры с лубенцами почему-то всегда шли под маркой «парад денкивских казаков в Киеве в 1919 году». Современные издания также грешат ошибками. Например, в изданной недавно в серии «Men-at-Arms» книге Михаила Хвостова об униформе времен Гражданской войны дан снимок с парада, но подпись под ним гласит: «Чуусевский казачий полк». Впрочем, ошибаются не только современные авторы. В свое время донской атаман П.Н.Краснов в мемуарах назвал лубенцев «нарядным Сузским полком»⁸.

Войсковой старшина Лубенского Сердюкского конно-казацкого полка

Ясно, что по поводу названия Краснов ошибся. Но что он хотел сказать словом «нарядный» – остается загадкой. На киноленте лубенцы маршируют в старых русских гимнастерках. И лишь погоны у них – нового клиновидного образца. Так что, скорее всего, новую форму пошили себе лишь некоторые офицеры Лубенского полка. Остальные же временно носили старую русскую, но с новыми знаками различия. То же самое можно смело сказать и о Сердюкской дивизии в целом.

СУДЬБА СЕРДЮКОВ

Поражение Германии и Австро-Венгрии в I-й Мировой войне, полный развал в рядах оккупационных войск, провал создания украинской регулярной армии – все это уже в октябре 1918 г. принудило Скоропадского искать опору в новых силах. Пойдя на встречу национальным кругам, он разрешил формирование так называемого Черноморского коша для похода на Кубань (3 курени, батарея, конная разведка), куда принимали лишь украинцев в третьем колене, а также воссоздание Отдельного отряда Сечевых стрельцов. Последний под именем 4-го полка Сечевых стрельцов существовал еще при Центральной Раде и в основном состоял из бывших бойцов-украинцев австро-венгерской армии. Но дабы прочие украинцы, служившие Габсбургам, не поддались соблазну перебежать на сторону УНР, этот полк был разоружен и разлучен немцами буквально накануне Гетманского переворота.

Вместе с тем бывший генерал Скоропадский делал реверансы и в сторону единомыслия настроенных кругов и монархистов: способствовал формированию Южной и Астраханской армий, создал Офицерские дружины. Все это происходило на фоне ропота, стоявшего в украинском селе: там на протяжении всего 1918 г. немцы и специально сформированные охранные сотни гетмана нещадно отбирали хлеб и другое продовольствие – потащили условия Брестского договора.

Но самым роковым для Скоропадского оказалось 14 ноября 1918 г. В этот день гетман издал декларацию, в которой объявил о будущей федерации Украины с обновленной Россией (то есть – белой). Украинские национальные деятели во главе с бывшим премьер-министром Центральной Рады, драматургом Владимиром Винниченко и Симеоном Петлюрой отправились в маленький городок Белая Церковь под Киевом, где располагался отряд Сечевых стрельцов. Еще через день здесь было объявлено о начале Антигетманского восстания. В специально изданном универсале власть Скоропадского объявлялась вне закона, восстанавливалась УНР, во главе которой становилась Директория из пяти членов.

К моменту Антигетманского восстания в распоряжении Скоропадского под ружьем находилось около 65 тысяч штыков. Но почти все боеспособные части из этого числа (Запорожская и Сержупанская дивизии, Черноморский кош и Сечевой отряд) почти сразу же перешли на сторону Директории. Под знамена главнокомандующего армии УНР Симона Петлюры стал и командир 2-го По-

дольского кадрового корпуса генерал Ерошевич, в распоряжении которого были колоссальные склады вооружения и одежды. Кроме того, к войскам Директории присоединилось громадное количество взявшегося за оружие крестьянства. На стороне Скоропадского оставались лишь небольшие по численности кадры украинской армии, Офицерские дружины, Сердюкская дивизия да Инструкторская офицерская школа. Но и эти две последние части оказались крайне ненадежными из-за симпатий к Директории.

18 ноября под Киевом, у станции Мотилонка, сечевые стрельцы вдребезги разбили 1-ю Офицерскую дружину, высланную гетманом против Петлюры. Находившийся при дружине дивизион Лубенского Сердюковского конно-казацкого полка во главе со своим командиром, коренным лубенским гусаром и ротмистром Генштаба Юрием Отмарштейном перешел на сторону восставших⁹.

Еще через день войска Директории начали правильную осаду Киева, в котором гетман полностью устранился от власти, передав бразды правления сначала генералу Келлеру, а затем – своему однопольчанину по Капалертардскому полку князю Долгорукову. Именно эти события описаны в романе «Белая гвардия» Михаила Булгакова и «Повести о жизни» Константина Паустовского.

Останавливаться на осаде Киева нет смысла – эта тема отдельной статьи. Если же охарактеризовать события двумя словами, то войска Директории задержали лишь немцы, потребовавшие прекращения боев вплоть до их ухода из Киева. Когда же они, наконец,

покинули их. Нужды в этих оправданиях не было – никто не собирался их обижать»¹¹.

С 4-м полком и командиром Сердюковской дивизии генералом В.И.Клименко все получилось еще проще. Узнав в Дарнице, что Киев в руках войск Директории, он объявил о переходе на сторону УНР и добросовестно разоружил все находившиеся с ним офицерские части¹². Что же касается Конной и Гетманского штаба, то их члены практически не участвовали в обороне Киева и поодиночке выехали либо в Германию, либо на Юг, где уже «всплыли» в Добровольческой армии (как, например, генералы Устиневич и Дашкевич-Горбатский, полковник Генштаба Богданович, осанулы-ротмистры Кочубей, Кригер и др.).

УЧАСТИЕ СЕРДЮКОВ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

Имея неограниченную свободу в действиях, сердюки, тем не менее, не разбегались по домам, а полностью перешли в подчинение новым украинским властям. Из остатков

В 1920 г. многие сердюки продолжали службу в украинской армии. По некоторым подсчетам, только офицеров в рядах армии оставалось около 70 человек. Один из них, бывший войсковой старшина 3-го Сердюковского полка Николай Янчевский был даже произведен в генерал-хорунжие. Тем не менее, отдельной частью они уже не восстанавливались.

Особую историю имел Лубенский Сердюковский конно-казацкий полк. После перехода конного дивизиона лубенцев на сторону УНР новый командир полка полковник Генштаба Конрад, не долго думая, забрал полковую гусарскую старшину 3-го Сердюковского полка Николая Янчевского. Как известно, там Конрад дослужился до звания генерала. А полк успешно продолжал воевать с красными и без старого штандарта. Осенью 1919 г. большая часть полка перешла к белым на сторону 3-го армейского корпуса генерала Я.А.Слащева. Под своим прежним названием Лубенских гусар этот полк продолжал службу сначала у Слащева при отступлении в Крым и на Перекопе, затем – у Врангеля, но уже в составе одного из сводных конных полков.

В армии УНР также осталась конная сотня Лубенского полка, которая после ряда перетрубаций и переименований в конце концов была объединена со 2-м конным полком имени Максима Залезняка (бывшие кибурунские драгуны). Был составлен новый полк – 1-й Лубенский имени Максима Залезняка, с чем-то продолжавший службу в 1920 г. и вместе с армией УНР ушедший в эмиграцию. Входил этот полк, к слову сказать, в состав Отдельной конной дивизии, которой командовал бывший командир лубенцев – генерал-хорунжий Иван Омелянович-Павленко (младший)¹³.

В 1919-1920 гг. Лубенский, 3-й и 4-й Сечевые полки имели свою особую униформу. Но не ту, которую им пытались ввести гетман Скоропадский. Какую – разговор для отдельной статьи. Что же касается той нарядной сердюковской униформы, то отдельные ее элементы «всплывали» на разных офицерах армии УНР на протяжении всей Гражданской войны. Так, в 1920 г. в жупане гетманского осанулы (но без знаков различия) с удовольствием позировал фотографу бывший командир Лубенского Сердюковского полка Иван Омелянович-Павленко. Так что, хоть сам гетман в армии УНР и считался политическим противником, но на роскошные сердюковские мундиры это ничуть не распространялось. □

Рисунки галунных лампасов для генералов, штаб- и обер-офицеров Сердюковской дивизии. (ЦГАВОВУ)

покинули столицу Украины, войска УНР утром 14 декабря 1918 г. почти без труда вступили в город, пленив все офицерские части.

Полки Сердюковской дивизии участвовали в защите Киева, но, как и Инструкторская школа, – весьма своеобразным образом. Во-первых, в этих частях упорно отказывались «понимать» русский язык и продолжали вести всю переписку на украинском. Во-вторых, старались не стрелять по своим, в худшем случае – в воздух. Ну а в третьих, просто заключили негласный договор с сечевиками о том, что друг с другом воевать не будут¹⁰. Во время занятия Киева частями УНР 1-й, 2-й, 3-й Сердюковские пехотные и артиллерийский полки находились в городе, а 4-й вместе с командиром дивизии – в Дарнице на левом берегу Днепра. Вот что вспоминал о сердюках начальник артиллерии Осадного корпуса Директории и командир артиллерийской бригады сечевиков генерал Роман Дашкевич: «Пять легких, 1-я гаубичная батарея Сечевых стрельцов и тяжелая 6-дюймовая пушка въехали в Артиллерийское училище в Кадетской роще. На воротах училища на часах стояли сердюковские артиллеристы. Их никто не разоружал, а я приказал им продолжать исполнение службы. Сердюковские артиллеристы оправдывались, что они ни в чем не виновны, что офицеры

1-го, 2-го и 3-го полков был сформирован 3-й Сечевой полк, а из 4-го – 4-й Сечевой полк. Причем, офицерский состав этих полков также почти полностью состоял из бывших сердюковских офицеров. Командовали полками также сердюки: 3-м – бывший помощник командира 3-го Сердюковского полка войсковой старшина Сава Пиццаленко, 4-м – сначала полковник Лазарский, а затем – войсковой старшина Архип Кмета¹¹.

Сердюковский артиллерийский полк поступил к сечевикам в полном составе и стал 3-м Сечевым артиллерийским. Причем из сердюков были полностью сформированы 7-я, 8-я, 9-я и конно-горная батареи¹⁴. После всех этих переформирований остался даже некоторый сверхкомплект офицеров-сердюков, которых сечевики тут же с радостью направили в другие свои, даже чисто галицкие части.

3-й и 4-й Сечевые полки были одними из самых лучших во всей украинской армии 1919 г. Зачастую их численность достигала 800-900 штыков, что в те времена было большой редкостью. Весной-летом 1919 г. полки храбро сражались с РККА под Киевом, а осенью – на Волыни. Именно эти два полка описывает в легендарной автобиографической повести «Как закалялась сталь» Николай Островский. Своё существование оба полка и артиллерийские батареи закончили в начале декабря 1919 г. Они были распущены вместе со всем частями сечевых стрельцов по особому решению офицерского совета Сечевого корпуса.

1. Центральный государственный архив Высших органов власти Украины (далее – ЦГАВОВУ). Ф. 1077. Оп. 5. Д. 10. Приказ. Л. 193.
2. Скоропадский Павел, Спогади. Київ, 1995. С.362.
3. Леоненко С. Инструкторська Школа Старшин. // За державність. Ч. 8. Варшава, 1939. С. 129.
4. ЦГАВОВУ. Ф. 1077. Оп. 5. Д. 10. Л.187.
5. Там же. Д. 204-205.
6. Там же. Д. 376-377.
7. Там же. Д. 433-435.
8. Краснов П.И. Всевеликое Войско Донское. // Архив русской революции. Т. 5. М., 1991. С. 237.
9. ЦГАВОВУ. Ф. 1077. Оп. 1. Д. 6. Л. 1-106.
10. Петрів В. Спогади. Ч. 4. Львів, 1931. С. 108-111.
11. Дашкевич Р. Артилерія Січових стрільців у боротьбі за Золоті київські ворота. Нью-Йорк, 1965. С. 121.
12. Ставка. Київ. Ч. 2. 17 грудня 1918 року.
13. Історія Січових стрільців. Київ, 1992. С.188-189.
14. Дашкевич Р. Артилерія Січових стрільців у боротьбі за Золоті київські ворота. Нью-Йорк, 1965. С. 124-125.
15. Марущенко-Богдановський А. Матеріали до історії 1-го кінного Лубенського імені М. Залізняка полку. // За Державність. Ч.5-9. Київ-Варшава, 1936-1939.

НОВАЯ НАГРАДА ВОЕННЫХ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ

Александр ХРУСТАЛЕВ

В «Цейхгаузе» № 15 мы подробно рассказали о современной символике Федеральной службы железнодорожных войск Российской Федерации. Однако с момента публикации общей статьи произошли некоторые принципиальные изменения, о которых необходимо рассказать дополнительно.

В соответствии с Положением о Федеральной службе железнодорожных войск Российской Федерации (ФСЖВ России), утвержденным Указом Президента РФ от 26 декабря 1995 г. № 1302, приказом Командующего ФСЖВ России от 10 апреля 2001 г. № 127 учреждена новая ведомственная награда — медаль «За доблесть»: I степени (для военнослужащих) и II степени (для лиц гражданского персонала). Медаль «За доблесть» представляет собой круг серебристого (для I ст.) и бронзового (для II ст.) цвета, диаметром 32 мм. На лицевой стороне изображен равноконечный крест черного цвета с широким зеленым кантом и расширяющимися прямыми концами. В центре креста помещена накладная серебристая малая эмблема ФСЖВ России. На оборотной стороне медали по горизонтали надпись: «ЗА ДОБЛЕСТЬ». Медаль при помощи ушка и кольца соединяется с пятиугольной колодкой, обтянутой шелковой муаровой лентой. Лента состоит из чередующихся между собой четырех полос: двух черных и двух зеленых. Край ленты окаймлены узкими белыми полосками.

В соответствии с Положением о медали «За доблесть» ею награждаются:

- военнослужащие Железнодорожных войск РФ за большой вклад в развитие Железнодорожных войск, успехи в поддержании высокой боевой готовности подразделений, частей и соединений, за отличные показатели в боевой подготовке и иные заслуги во время прохождения военной службы;
- гражданский персонал воинских частей, научно-исследовательских учреждений, предприятий, организаций и военных образовательных учреждений профессионального образования Железнодорожных войск за выдающиеся успехи в работе, высокие производственные показатели, заслуги в развитии науки, техники и культуры, большой личный вклад в обучение и воспитание личного состава;

— в отдельных случаях другие граждане РФ и иностранные граждане, внесшие значительный вклад в решение задач, возложенных на Железнодорожные войска.

Медаль «За доблесть» носится на левой стороне груди и при наличии других наград РФ и Железнодорожных войск РФ располагается после медали «За отличие в службе» в Железнодорожных войсках РФ и перед юбилейной медалью «150 лет Железнодорожным войскам России».

Медаль «За доблесть» I и II степеней и нагрудный знак (ведомственная медаль) «За отличие в службе» на новой пятиугольной колодке

Медаль разработана РОО «Академия русской символики «МАРС» (художник Юлия Булатенко), изготовлена ООО «Орел и К», материал нейзильбер, медь, горячие ювелирные эмали.

Первый приказ о награждении подписан от 14 декабря 2001 г. № 414. На сегодняшний день состоялось 555 награждений, из них I ст. — 409 военнослужащих, II ст. — 146 лиц гражданского персонала.

Необходимо отметить, что медаль «За доблесть» — это первый из современных ведомственных наград ФСЖВ России, учрежденная не на четырехугольной, а на традиционной пятиугольной колодке. Для того, чтобы привести к общему внешнему виду все ранее утвержденные ведомственные награды военных железнодорожников, четырехугольная колодка на медалях «За отличие в службе», «За безупречную службу» (трех степеней) и «150 лет Железнодорожным войскам» также заменена на пятиугольную. Это произведено в соответствии с приказом Директора ФСЖВ России — командующего Железнодорожными войсками РФ от 16 мая 2002 г. № 234 «О внесении изменений в приказы Командующего Железнодорожными войсками Российской Федерации 1999 года №№ 46, 47 и 2000 года № 352» □

Автор выражает благодарность за помощь в подготовке материала полковнику Дьяченко В.М.

Юнкера ЕКУ в летней форме. Около 1910 г.

(Из частной коллекции)

Интересно отметить, что хотя большинство юнкеров носят защитные фуражки, один (сидит справа) имеет цветную бескозырку, а юнкер на заднем плане – такую же фуражку: цветную в белом чехле или целиком сшитую из белой ткани

Окончание статьи со стр. 36

том случае, если в его руках ничего не было. Если же в его руках имелся хотя бы крошечный букетик или букетик цветов, то будущий офицер должен был брать извозчика. Пользоваться трамваем запрещалось. Перечень неписанных правил был велик, но непрерываем. Вот лишь некоторые из них:

- не брать одноконного извозчика, а всегда парного;
- не посещать второсортных ресторанов;
- не ходить в театр на галерку;
- в отпуске носить только свою одежду, пользуясь шинелью и мундиром, точно пригнанными по фигуре;

– не носить казенных шпор, а покупать свои, главным образом савельевские – изготовленные в знаменитой петербургской мастерской Савельева.

Своеобразной проверкой знания юнкерами корпоративного этикета считались субботние вечера («субботники») в имени генерала Г.Н.Линина «Балашовка» и, особенно, училищные и эскадронные балы, устраиваемые 26 ноября (день Св. Великомученика и Победоносца Георгия), 6 декабря – праздник 1-го эскадрона (день Св. Николая, Митрофановского чудотворца), 8 ноября – праздник 2-го эскадрона (день собора Архангела Михаила и прочих бесплотных сил). На балы приглашались многочисленные гости, съезжались помещики из

окрестных имений. Когда в Елисаветграде стояла 7-я кавалерийская дивизия, то на главном балу играли трубачи Ольвипольского и Белорусского полков. Балы училища являлись важной частью протокольной жизни всего уезда.

Культивировавшиеся в училище навыки и традиции давали кавалерийским офицерам ту внешнюю выправку, которая разительно отличала их в годы I Мировой войны от опереточных «зем-гусар» и «гидро-улан», обвешивавшихся для бравого вида пашкой, револьвером, биноклем, принадлежностями для топографических съемок, громадными шпорами и пр. □

¹ Приказ по военному ведомству от 7 декабря 1878 г. № 337.

² Голубовский И.О. Заметки о состоянии некоторых юнкерских училищ. // Военный сборник. 1870. № 11 (Т. 76). С. 85–86.

³ Военная быль. 1956. Июль. № 19. С. 16.

⁴ Военная быль. 1956. Ноябрь. № 21. С. 8.

⁵ Объявлено приказом по военному ведомству № 195.

⁶ Объявлено приказом по военному ведомству № 262.

⁷ Этим же приказом офицерам ЕКУ на воротниках и обшлагах мундиров вместо шитых петлиц установили шитые военно-учебных заведений.

⁸ Незабываемое прошлое славной русской школы. Елисаветградское кавалерийское училище в воспоминаниях питомцев школы к столетию со дня основания училища. Нью-Йорк, 1965. С. 126.

⁹ Военная быль. 1956. Сентябрь. № 20. С. 8.

¹⁰ Военная быль. 1959. Март. № 35. С. 12.

SUMMARY

The military historical journal «Zeughaus» has been published since 1991. Now it's the only Russian scientific issue devoted to little known facts of the history of Russia and Soviet Union uniforms, awards, weapons and banners.

All the articles published in «Zeughaus» are based on rare archives and plentifully illustrated with pictures drawn by journal's painters, photos and slides of original pieces from state museums and private collections.

The authors of the journal are chief experts of Russian militaria. The «Zeughaus» journal receives applications for consultations on the historical subjects and also provides full translation of the text into the English language. The services mentioned above are provided on the base of mutual agreement.

ANCIENT RUSSIAN SHIELDS

Reconstruction based on archaeological sources of 10th century 4

RUSSIAN LANDED GENTRY CAVALRY IN THE 17th CENTURY

Arms and armour, horse and men strength 12

MILITARY OLD TIMES

Everyday life and service of the Russian army at the 1800s ... 16

OVERCOATS OF FRENCH INFANTRY IN THE TIMES OF NAPOLEONIC WARS. 1789-1815

Everyday appearance of French infantrymen 20

MILITARY BRANCHES OF CIVIL DEPARTMENTS. 1855-1867

Continuation of detailed description of clothing of personnel of the various semi-military services 25

ELISAVETGRAD CAVALRY SCHOOL. 1890s-1917

Cadet uniforms, customs and traditions 29

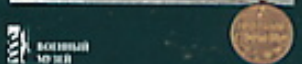
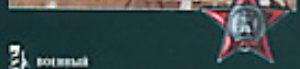
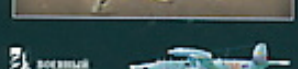
RUSSIAN MURMANSK ARMY. 1918

Recent information about White forces in the North of Russia during Civil War 38

UKRAINIAN GUARDS. 1918

Uniforms and history 40

НОВАЯ СЕРИЯ КНИГ

Издательский центр "Экспринт"

121552, Москва, а/я 26; тел./ факс: 141-83-12, 141-73-77

www.m-hobby.df.ru; E-mail: Ex.Print@g23.relcom.ru